

M 78
379

М. НОВОРУССКІЙ.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ

МААЬЧИКА

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО «Жизнь и Знание»

Книгоиздательство „ЖИЗНЬ и ЗНАНИЕ“.

Дѣтская библіотека. Книга 3-ья.

М. В. Новорусскій

ПРИКЛЮЧЕНІЯ

МАЛЬЧИКА МЕНЬШЕ ПАЛЬЧИКА

ИЗЪ ЖИЗНИ НАСѢКОМЫХЪ

Съ 8 раскрашечными картинами и 7 рисунками въ текстѣ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1911

I.

Мое превращеніе и первая встрѣча.

то было лѣтомъ. Мнѣ было тогда девять лѣтъ.

Мы жили въ деревнѣ. Я собиралъ разныхъ насѣкомыхъ, читалъ рассказы про нихъ и наблюдалъ, какъ они живутъ.

Я часто думалъ: какъ жаль, что я—такой большой великанъ, а насѣкомыя—такія маленькія-премаленькія букашки. Я могу хорошо видѣть, какъ устроена кошка и какъ устроена собака; могу видѣть, какіе у нихъ глаза, уши, ноги и зубы, какъ они ѣдятъ, бѣгають, лежатъ, или играютъ. А какъ все это устроено у насѣкомыхъ, мнѣ никакъ не разглядѣть. Вѣдь я—такой большой-пребольшой! Ну, какъ могу я съ такимъ огромнымъ тѣломъ подойти къ нимъ близко, войти въ ихъ жизнь и разсматривать ихъ жилища?

Они мнѣ совсѣмъ не пара. И мнѣ, такому большому, никакъ невозможно глядѣть на нихъ запросто, какъ на всякихъ другихъ животныхъ.

Долго и не разъ я думалъ объ этомъ. И однажды заснулъ среди этихъ мыслей. А спалъ я всегда крѣпко и часто видѣлъ большіе, хорошіе сны.

Проснулся я рано-рано и тотчасъ увидалъ, что со мной случилось что-то неладное. Я чувствовалъ себя бодрымъ, здоровымъ и сильнымъ,—такимъ же, какъ всегда. Но все кругомъ меня совершенно перемѣнилось.

Моя кроватка стояла на томъ же самомъ мѣстѣ. Одѣяло было—то же самое, стѣны комнаты—тѣ же. Но и кровать, и столъ, и стѣны, и всѣ мои вещи стали огромныя-преогромныя. Такія огромныя, что мнѣ и глазомъ не обнять ихъ.

Я видѣлъ ясно, что я лежу посрединѣ широкой, какъ чистое поле, подушки, а дальше внизу идетъ большая, холмистая равнина: это моя кровать. Смотрю я на все это, думаю и понять не могу, что же такое со мной дѣлается?

Какъ вдругъ рядомъ со мной на подушкѣ я увидалъ громадную голову чернаго чудовища, какого я никогда не видывалъ на кар-

тинкахъ. Оно шевелило длиннѣйшими усами и медленно приближалось ко мнѣ.

Въ ужасѣ я весь затрепеталъ и закричалъ. Но голосъ мой, прежде громкій и звучный, теперь потерялся въ огромной и пустой комнатѣ. Онъ былъ слабъ и тихъ, а потому никто не могъ слышать моего крика. Не слышало меня и черное чудовище. Оно остановилось въ нѣсколькихъ шагахъ, смотрѣло на меня неподвижными, какъ огромныя тарелки, глазами и однимъ усикомъ слегка касалось меня.

Усикъ былъ мягкій и нѣжный, и мнѣ показалось, что чудовище хочетъ погладить меня. Это меня немножко успокоило. И когда оно второй разъ коснулось меня усикомъ, я осмѣлился и схватилъ рукой за самый кончикъ его. Чудовище страшно испугалось и готово было пуститься въ бѣгство.

Тутъ я увидалъ, что неподалеку отъ меня на подушкѣ лежали крошки печенья, и вспомнилъ, что вчера передъ самымъ сномъ я ѣлъ его, лежа въ кровати. Только крошки эти теперь показались мнѣ не мелкими крупинками, а огромными, угловатыми кусками.

«Ужъ не пришло ли это чудовище на запахъ крошекъ—полакомиться ими?»—подумалъ я.

И чтобы испытать это и не пугать животное, я отошелъ отъ нихъ подальше.

Прежде на подушкѣ могла умѣщаться только одна моя голова, а теперь я весь цѣликомъ располагался посрединѣ ея и могъ бѣгать по ней спокойно, какъ по полу; и когда я ходилъ по ней взадъ и впередъ, она не гнулась и не мялась подо мной.

Чудовище спокойно подошло къ крошкѣмъ, схватило одну изъ нихъ своей ужасной пастью и начало жевать. О, что это была за пасть! Ни зубовъ, ни языка, ничего такого, что есть у другихъ, у него не было. А были какія-то странныя привѣски, мохнатые и колѣнчатые. Онѣ болтались и двигались во всѣ стороны: не то вторые усы, не то щупальца! И жевало чудовище не сверху внизъ, какъ это дѣлаемъ мы и всѣ животныя, а сбоку вбокъ,—точь въ точь, какъ дѣйствуютъ ножницы, когда ими подстригаютъ траву.

Чудовище было занято ѣдой, а я ходилъ кругомъ него и разсматривалъ его со всѣхъ сторонъ. Заглянулъ даже подъ брюхо. Потомъ осмотрѣлъ длинные волосатые усы и длинныя же шиповатые ноги. На лапахъ его были огромные крючья, какъ у багра, а на ногахъ—настоящая длинная и жесткая

щетина. Само оно было гладкое, глянцевитое и маслянистое. Крылья покрывали половину спины и лежали, прижавшись къ ней.

Пока оно пожирало мои крошки, я хорошо ознакомился съ нимъ и пересталъ бояться его. Я сообразилъ, что если оно ѣсть хлѣбныя крошки, то не станетъ ѣсть меня. Отъ этой мысли у меня прибавилось храбрости и я сталъ придумывать, какъ бы мнѣ овладѣть этимъ страннымъ, но смирнымъ звѣремъ. На концѣ его брюшка торчали какихъ то два толстыхъ отростка, словно рога, и за одинъ изъ этихъ роговъ я крѣпко ухватился обѣими руками.

Мой звѣрь вздрогнулъ, выпрямился и пустился бѣжать со всѣхъ ногъ. А ногъ-то у него было шесть штукъ. Но я крѣпко держался сзади, и потому вмѣстѣ съ нимъ кубаремъ скатился по одѣялу на полъ. Перевернувшись нѣсколько разъ, онъ опять вскочилъ на ноги и побѣжалъ къ двери, которая вела въ кухню. На минуту онъ вырвался отъ меня. Но я снова успѣлъ схватиться за отростокъ сзади и снова побѣжалъ вмѣстѣ съ нимъ.

Дверь въ кухню была заперта. Но не успѣлъ я подумать объ этомъ, какъ мы очутились уже въ кухнѣ: очевидно, чудовище вмѣстѣ со мной пробѣжало подъ дверью.

Въ кухнѣ мой звѣрь скоро добрался до какой-то щели и остановился. Я помню эту щель. Она была узкая, но страшное чудовище влѣзло въ нее почти цѣликомъ и только кончикъ брюшка торчалъ немного наружу. Я выпустилъ изъ рукъ отростокъ и, оглядѣвшись,

Рис. 1. Черные тараканы.

увидаль, какъ изъ задняго конца брюшка выпалъ небольшой мѣшокъ. Но не успѣлъ я взять его въ руки и рассмотреть, какъ изъ него стали выползать маленькіе звѣрки, очень похожіе на мое чудовище. (Рис. 1).

— Ба! да вѣдь это настоящіе черные тараканы,—сказаль я себѣ, какъ только увидаль маленькихъ.

Несомнѣнно, мое чудовище былъ самый обыкновенный черный тараканъ. Несомнѣнно, и величина его была обыкновенная, какъ

всегда. И тутъ только я понялъ, что со мной случилось какое-то удивительное превращеніе и что послѣ такого превращенія я сталъ вдвое меньше обыкновеннаго таракана. Былъ человѣкомъ, а сталъ словно букашка.

Сначала мнѣ было очень грустно узнать такую новость. Но я скоро успокоился. Я понялъ, что теперь при своемъ ростѣ я отлично сумѣю войти въ жизнь насѣкомыхъ и познакомиться съ ними во всѣхъ подробностяхъ ихъ жизни.

II.

Я выѣзжаю по воздуху и попадаю подъ землю.

Сталъ я соображать, какъ мнѣ теперь быть и медленно передвигался на своихъ маленькихъ ножкахъ вдоль печки по полу. Вдругъ я вижу, что тутъ же у печки лежить и пошевеливается какой-то большой, мохнатый шаръ съ широкими черными и желтыми полосами.

Подойдя ближе, я увидалъ, что это вовсе не шаръ, а новое чудовище, которое совершенно не походило на первое. Правда, у него было тоже шесть ногъ, была голова, усы, замѣтны были грудь и брюшко. Но все это было устроено совершенно иначе.

Теперь я совсѣмъ уже не боялся. Я догадался тотчасъ же, что это—новое насѣкомое. Но я не могъ узнать какое именно

насъкомое, потому, что казалось оно мнѣ чрезвычайно огромнымъ. Крылья у него были прозрачныя, какъ стекло, нѣжныя словно плёночки, съ тонкими и рѣдкими волосками по краямъ. Оно изрѣдка взмахивало ими. При этомъ крылья отливали всѣми цвѣтами радуги. Голова его была украшена странными изогнутыми усами, которые торчали вверхъ на самомъ лбу. Тутъ же помѣщались огромные глаза—совсѣмъ не такіе, какъ у насъ и у четвероногихъ животныхъ. Они блестяли, и на нихъ замѣтно было много ячеекъ, вродѣ того, какъ у пчелинаго сота. Въ каждой ячейкѣ слабо отражались и я самъ, и разные окружавшіе насъ предметы.

У рта его помѣщались какія-то два щупальца. Но интереснѣе всего былъ его языкъ—длинный, гибкій и тонкій, какъ волосъ, покрытый нѣжнымъ пушкомъ. И чудовище то высовывало этотъ языкъ во всю длину, то опять прятало. Казалось, что оно облизывало его.

А все толстое круглое тѣло его было сплошь покрыто густыми длинными волосами. Даже ноги были волосатыя и только на концахъ ихъ торчали рѣдкіе шипы.

Разсмотрѣвши его внимательно, я забрался на большое полѣно, которое лежало

тутъ же, и взглянулъ оттуда на своего звѣря издали.

— Ага! Вотъ такъ звѣрь,—подумалъ я.— Это просто-на-просто шмель. Самый настоящій шмель! Вѣроятно, онъ залетѣлъ въ кухню на запахъ варенья, не нашелъ выхода и заночевалъ здѣсь. А когда ночью ему стало прохладно, онъ забрался поближе къ печкѣ.

Я спустился съ полѣна и опять довѣрчиво приблизился къ шмелю. Я зналъ, что онъ жалитъ, но подошелъ къ нему вплотную. Зачѣмъ онъ станетъ кусать меня, такого маленькаго? Вѣдь я ничѣмъ не могу испугать либо разсердить его. Его шерсть была такая мягкая да пушистая! Такъ и хотѣлось прижаться къ нему потѣснѣе. А прижавшись, я ухватился за шерсть и вспрыгнулъ шмелю на спину, гдѣ и легъ, точно на постели.

Шмелю это совсѣмъ не понравилось. Онъ заметался, запрыгалъ, замахалъ своими четырьмя крыльями и полетѣлъ.

Летѣть со мной ему было очень тяжело и потому онъ поднимался съ полу медленно и съ большимъ трудомъ. Летѣть же мнѣ, лежа на спинѣ шмеля, было чрезвычайно пріятно. Я лежалъ, запутавшись въ его шерсти, точно на возу сѣна. А шмель летѣлъ такъ тихо и такъ плавно, что я сначала совсѣмъ не замѣ-

тилъ этого. Только тогда, когда я увидалъ, что мы высоко поднялись отъ пола, мнѣ стало страшно: а вдругъ, я оборвусь и упаду!

Но летѣли мы не больше одной минуты. Шмель направлялся на свѣтъ къ окну. И поднявшись на подоконникъ, тотчасъ же сѣлъ на немъ отдыхать. Я же все лежалъ у него на спинѣ и ждалъ, что будетъ дальше.

Ожидать пришлось недолго. Шмель почувствовалъ свѣжій воздухъ, такъ какъ окно было закрыто не плотно, пошелъ къ рамѣ, пролѣзъ въ оставшуюся щель и взвился на воздухъ.

Это былъ моментъ, котораго я не забуду всю жизнь. (Рис. 2). Было жутко. Духъ захватывало. А сердце ныло такъ сладко и такъ пріятно. Шутка ли сказать: я лечу по воздуху!

Но это былъ одинъ только моментъ. Подняться высоко шмелю не удалось вмѣстѣ со мной. Ему было тяжело и потому его тянуло книзу. Подъ окномъ у насъ былъ разбитъ цвѣтникъ и шмель опустился на первый попавшійся листъ георгины.

Осмотрѣвшись съ него, онъ увидѣлъ поблизости головку краснаго клевера въ полномъ цвѣту, перелетѣлъ на нее и сталъ жадно сосать сладкій сокъ изъ трубочекъ его цвѣтовъ. Видимо, за ночь онъ сильно проголодался.

Я зналъ хорошо этотъ сладкій сокъ. Мы

часто лакомились имъ,—обрывали цвѣтки и высасывали сокъ изъ нихъ. Шмель, оказывается, дѣлалъ тоже самое, но дѣлалъ это иначе. Его длинный и тонкій языкъ дѣйствовалъ какъ трубочка или соломинка. Онъ запускалъ его на самое дно цвѣтка и высасывалъ оттуда весь сокъ насухо. Затѣмъ его длинный языкъ быстро погружался въ новый цвѣтокъ и также быстро опустошалъ его.

Чтобы лучше разсмотрѣть, какъ это онъ дѣлаетъ, я слѣзъ съ него и усѣлся на головкѣ клевера. Это удалось мнѣ не сразу. Мои ноги провалились въ трубчатые цвѣты, точно въ штанишки, и я остался въ такомъ положеніи, не то стоя, не то сидя. Но когда я вытаскивалъ изъ цвѣтка ногу, она была совершенно суха. Очевидно, она не касалась меду, который былъ скрытъ на днѣ гораздо глубже. Его могъ доставать только одинъ шмель своимъ длиннымъ хоботомъ.

Мало-по-малу, шмель сталъ болѣе вялымъ. Онъ не такъ быстро дѣйствовалъ своимъ языкомъ и не такъ жадно сосалъ лакомый сокъ. Должно быть онъ хорошо насосался.

Я боялся, что онъ улетитъ безъ меня. Тогда бы мнѣ не удалось прослѣдить за нимъ далѣе. А потому я поспѣшилъ опять залѣзть

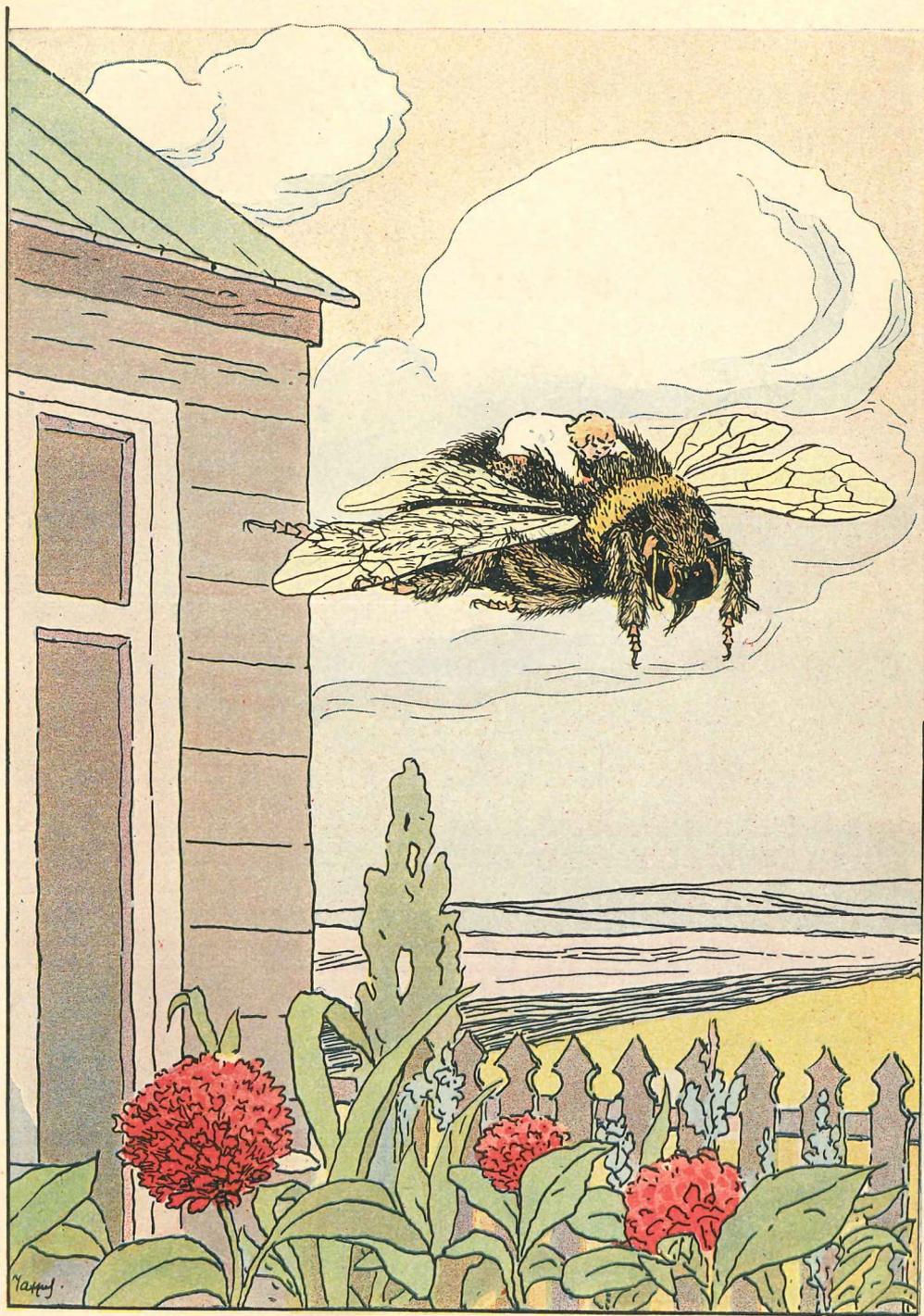

Рис. 2. Это был момент, которого я не забуду во всю жизни

къ нему на спину. Конечно, это потревожило его и онъ взмахнулъ крыльями и опять поднялся на воздухъ.

Съ трудомъ перелетая съ вѣтки на вѣтку, онъ скоро опустился на землю возлѣ забора, прошелъ нѣсколько шаговъ пѣшкомъ и на минуту остановился у какой-то дыры, а потомъ смѣло полѣзъ въ нее.

Я очень тѣсно прижался къ его спинѣ, но, увы, не могъ пролѣзть вмѣстѣ съ нимъ, потому что отверстіе сдѣлано было для одного шмеля, а для насъ двоихъ оно было тѣсно. Я прыгнулъ на землю, а шмель сейчасъ же нырнулъ въ дыру и скрылся изъ моихъ глазъ.

Нѣкоторое время я колебался: отправиться мнѣ туда же подъ землю, или нѣтъ? Но потомъ подумалъ: «не съѣдятъ же меня тамъ шмели»,—и погрузился въ ту же дыру.

Да, надо сознаться: жутко мнѣ было на первыхъ порахъ! Кругомъ темно, не видно ни зги, сыро и тихо какъ въ могилѣ. Сначала я почувствовалъ, что ноги мои нащупали что-то твердое. Затѣмъ я почувалъ, что пахнетъ медомъ, и запахъ этотъ какой-то особый, пряный, не то сладкій, не то цвѣточный, смѣшанный изъ разныхъ ароматовъ.

Наконецъ, я постепенно оглядѣлся и

сталъ различать окружающую обстановку. Отверстіе, въ которое мы влѣзли, пропускало достаточно свѣта. Да кромѣ того свѣтъ проникалъ кое-гдѣ въ щели потолка, сдѣлан-

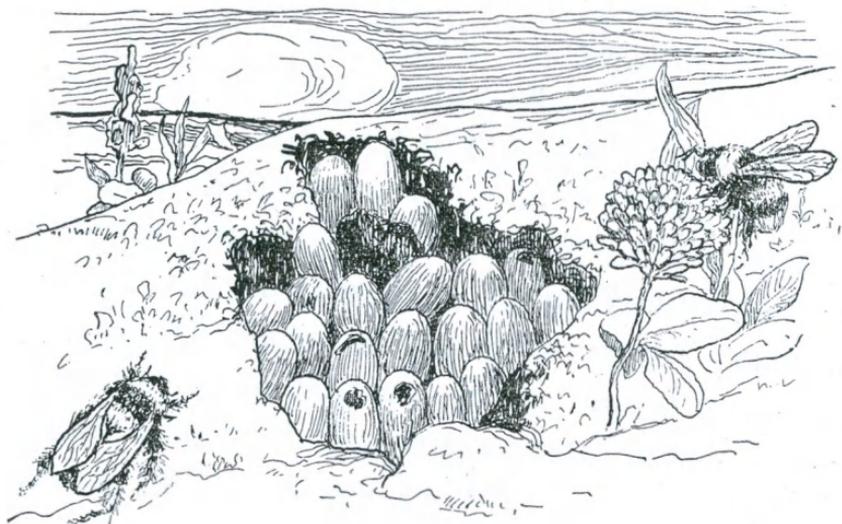

Рис. 3. Шмелиное гнѣздо.

наго изъ травы и листьевъ. Оглядѣвшись, я скоро понялъ, что очутился въ шмелиномъ гнѣздѣ. Даже мнѣ самому не вѣрилось: въ настоящемъ шмелиномъ гнѣздѣ! (Рис. 3).

Внутри большой ямы, около пяти дюймовъ шириной, лежалъ безформенный клубокъ. Онъ весь состоялъ изъ большихъ бочковидныхъ ячеекъ. Всѣ онѣ примыкали плотно другъ къ другу и сливались въ одинъ большой комъ неправильной формы. Ближайшій ко мнѣ шмель расположился возлѣ одной

изъ открытыхъ ячеекъ и что-то дѣлалъ надъ ней. Должно быть это былъ тотъ самый, на которомъ я пріѣхалъ сюда.

Я присмотрѣлся внимательнѣе и понялъ все. Онъ отрыгалъ изо рта тотъ сладкій сокъ, котораго только-что насосался на клеверѣ, и отрыгалъ его прямо въ ячейку. Точь въ точь, будто онъ густой сиропъ складываетъ въ банку, но дѣйствуетъ при этомъ не ложечкой, а прямо ртомъ! Я вспомнилъ, что читывалъ это о пчелахъ. Но мнѣ и во снѣ не снилось, что когда-нибудь удастся видѣть наглядно собственными глазами, какъ это дѣлается. Отрыгаетъ, словно жвачку, и получается медъ! Нельзя сказать, чтобъ это было изящно и очень красиво. Но я говорю только сущую правду, а правду всегда нужно знать и глядѣть ей прямо въ глаза.

Признаюсь, когда я насмотрѣлся на эту шмелиную работу, мнѣ совсѣмъ не хотѣлось попробовать меду.

Тутъ въ гнѣздѣ было еще нѣсколько шмелей. Одни также отрыгали свой сокъ изъ желудка въ ячейку, другіе надстраивали неоконченныя ячейки, а третьи возились возлѣ пустыхъ ячеекъ, изъ которыхъ торчало что-то бѣлое.

— Ага,— смекнулъ я:— да вѣдь это ихъ ли-

чинки! Лежатъ онѣ недвижимо въ своихъ ячейкахъ, а трудолюбивыя матери откармливаютъ ихъ медомъ да цвѣточной пылью, которую онѣ нарочно носятъ сюда на прокормъ дѣтвы.

Долго я любовался на эту трудолюбивую семью. Одни шмели уходили черезъ отверстіе вонъ. Другіе приходили оттуда же на ихъ мѣсто. Пряный запахъ немножко кружилъ мнѣ голову. Было приторно, тепло и сладко. Хотѣлось еще посидѣть въ этомъ необыкновенномъ убѣжищѣ. Но въ то же время опять тянуло на волю и на солнечный просторъ. И было жутко при одной мысли: а вдругъ я останусь здѣсь подъ землей навѣки вѣчные! Въ этомъ тепломъ и ароматномъ, но подземномъ шмелиномъ мірѣ.

Наконецъ, я вылѣзъ, подобно шмелю, чрезъ то же самое отверстіе на вольный воздухъ, и съ большимъ удовольствіемъ, полной грудью вдохнулъ его въ себя. Отъ солнца я долго щурился, такъ какъ глаза, привыкшіе къ темнотѣ, долго не могли опять привыкнуть къ свѣту: имъ было больно и рѣзко. Наконецъ, я оглядѣлся вполнѣ и сталъ соображать, кого бы изъ насѣкомыхъ пригласить мнѣ теперь въ товарищи для прогулки по цвѣтущему лугу.

III.

Верхомъ на чудовищѣ и кувыркою черезъ канаву.

Стоялъ я у самага забора. Въ одну изъ щелей его я незамѣтно вылѣзъ наружу и очутился на лугу. Здѣсь я скоро заблудился бы среди цвѣтущей зелени, которая для меня была огромнымъ густымъ лѣсомъ. Я вѣдь былъ маленькій, словно козявка, и въ густой травѣ терялся, какъ въ дремучемъ лѣсу.

Но не прошелъ я и сотни шаговъ, какъ увидалъ звѣря еще болѣе ужаснаго, чѣмъ тѣ, которыхъ я недавно видѣлъ. Онъ былъ весь зеленый, такъ что на зелени листа былъ едва-едва замѣтенъ. Наполовину прозрачные, длинные крылья его тоже были зелеными. Все тѣло его было вытянутое, сжатое съ боковъ въ такомъ же родѣ, какъ у рыбы. Впереди торчали усы, тонкіе, какъ волосъ,

и животное постоянно ощупывало ими дальніе предметы. А ноги... Ахъ, что это были за ноги! Я видалъ зайцевъ, которые скачутъ, потому что у нихъ заднія ноги длиннѣе переднихъ. Видалъ на картинкахъ и кенгуру съ еще болѣе длинными задними ногами. У журавля и цапли ноги тоже нельзя назвать короткими. Но это все не то.

Ноги у этого звѣря торчали вверхъ словно косыя балки, которыя поддерживаютъ желѣзнодорожный мостъ, или стропила, на которыхъ плотники настилаютъ крышу дома.

Ноги эти были усажены по бокамъ огромными колючими шипами. Такіе же твердые шипы, только поменьше, расположились и по жесткому переднему краю крыльевъ.

Не успѣлъ я разсмотрѣть этой подробности, какъ мой звѣрь закричалъ во все горло страшнымъ трескучимъ голосомъ. Я чуть не оглохъ отъ этого. Но когда я хотѣлъ разсмотрѣть, какая у него пасть, изъ которой, казалось, исходитъ такой трескучій крикъ, то я ничего не нашелъ. Голова у него держалась совсѣмъ спокойно, а ротъ былъ закрытъ.

Тутъ только я обратилъ вниманіе на то, что его большія ноги странно дрожатъ. И, всмотрѣвшись въ нихъ, я понялъ все. Ноги у него были съ твердыми шипами и края

крыльевъ—тоже. И когда онъ начинаетъ тереть шиноватые края другъ о друга, получается настоящая трещотка или такой скрипъ, какой мы получили бы, если бы стали тереть двѣ пилы зубьями другъ о друга.

Какъ только я увидалъ это и вслушался въ громкое стрекотанье, я тотчасъ хлопнулъ себя по лбу:

— Вотъ такъ звѣрь!—сказалъ я себѣ. Сидитъ простой зеленый кузнечикъ, какъ огромное страшилище, и я его не узналъ вовсе. Да еще испугался. Какъ страшно, значитъ, быть маленькимъ!

Теперь же я такъ обрадовался, что запрыгалъ вокругъ кузнечика и, разыгравшись, съ разбѣга вскочилъ къ нему на спину и сѣлъ верхомъ.

Мы были почти у самаго забора, а далѣе лежала широкая канава. Отъ дождей въ ней накопилось много воды. Кузнечикъ, какъ только почувствовалъ на себѣ меня, тотчасъ же прыгнулъ на другой берегъ канавы. Прыгнулъ онъ во всю силу своихъ огромныхъ ногъ, потому что летѣть ему до другого берега нужно было почти два съ половиною аршина. А это значитъ разъ въ 80 больше, чѣмъ длина его тѣла.

Все это случилось такъ быстро и такъ

неожиданно, что я не сразу понялъ, въ чемъ дѣло. Вдругъ вижу, что я быстро лечу вмѣстѣ съ кузнечикомъ по воздуху, а подъ нами канава съ водой. На одинъ мигъ мнѣ казалось, что я оборвусь въ воду,—тутъ бы и конецъ мнѣ! Но оборваться мнѣ пришлось уже на другомъ берегу. Кузнечикъ далъ себѣ ногами такой сильный толчекъ, что могъ бы летѣть не два съ половиной, а цѣлыхъ три аршина. Но за канавой онъ какимъ-то способомъ замедлилъ свой полетъ, я же чрезъ его голову полетѣлъ дальше (Рис. 4). Сидѣть на немъ было скользко и удержаться я не сумѣлъ.

Сорвавшись съ кузнечика, понятно, я полетѣлъ носомъ въ траву. Къ счастью, трава была мягкая и сочная. Только поэтому я не разбился на смерть. Теперь, лежа на травѣ, я сообразилъ, какъ все это случилось. Мнѣ приходилось не разъ ѣздить верхомъ на лошади. Если она бѣжитъ быстро и вдругъ остановится, то нужно крѣпко держаться за гриву, а то тебя такъ и понесетъ впередъ черезъ голову. И мнѣ однажды зимой пришлось полетѣть такимъ образомъ прямо въ снѣгъ.

Когда я немножко успокоился и оглядѣлся, я опять увидалъ зеленаго кузнечика.

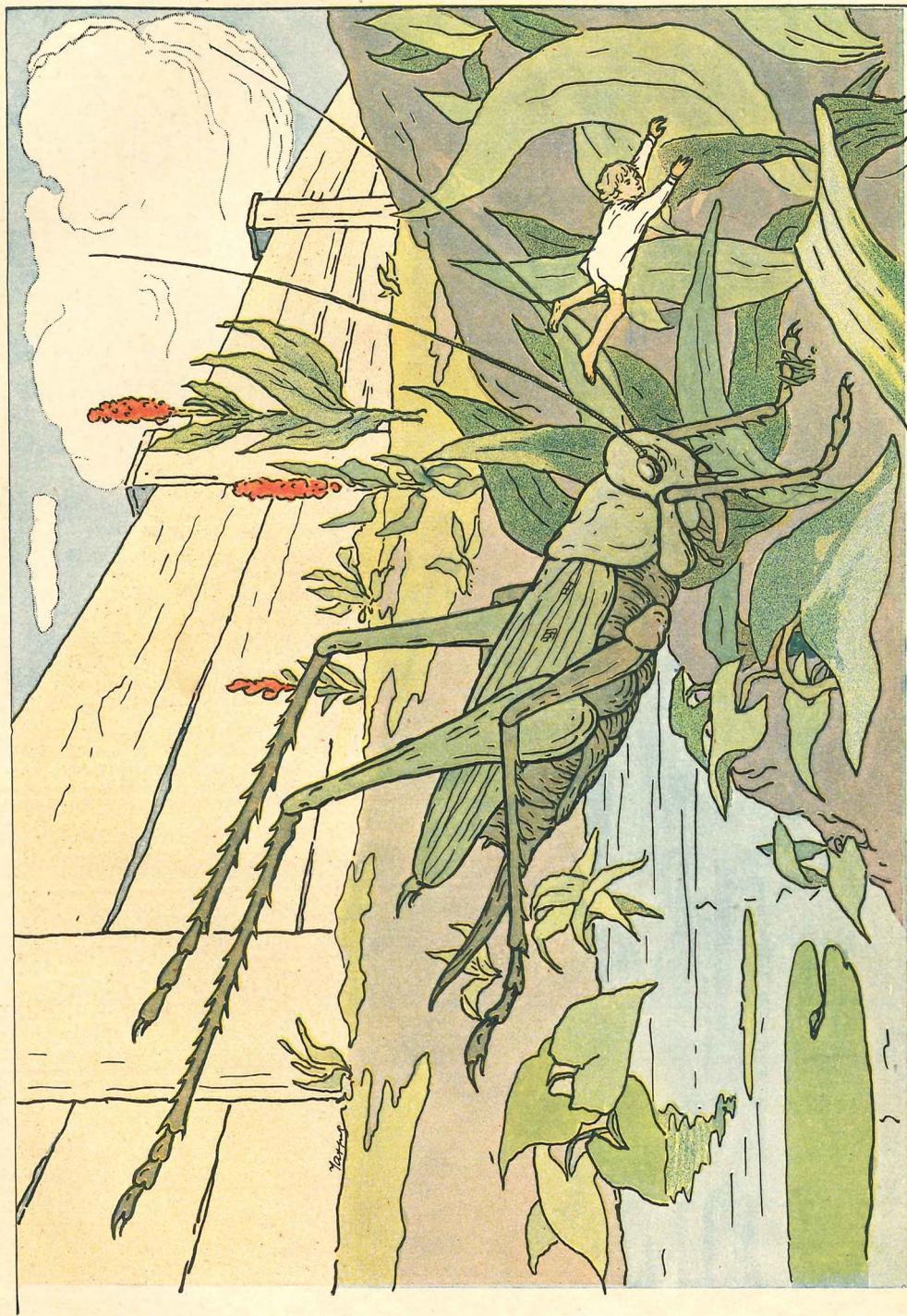

Рис. 4. Он замедлил свой полет, а же через его голову полететь дальше.

Оказывается, онъ былъ тутъ же и сидѣлъ на толстомъ стеблѣ травы, которую вѣтеръ пригнулъ къ землѣ, и которую онъ крѣпко охватилъ своими лапами. На концѣ лапокъ у него были острые крючки и онъ могъ хорошо цѣпляться ими и удерживаться, гдѣ угодно. Впереди кузнечика на широкомъ листѣ сидѣла неподвижно маленькая мушка. Должно быть на нее-то кузнечикъ и глядѣлъ своими неподвижными зелеными и огромными глазами.

Я сталъ наблюдать за нимъ. Вдругъ онъ сдѣлалъ маленькій прыжокъ къ мухѣ, схватилъ ее своей огромной пастью и началъ завтракать. Пасть у него устроена была точно такъ же, какъ и у таракана. И жеваль онъ также не сверху внизъ, а сбоку вбокъ. Его челюсти раздвигались и сжимались какъ клещи, у которыхъ концы зазубрены.

И эти клещи были такія крѣпкія и сильныя, а зубцы такіе острые и страшные! Кажалось, стоитъ только положить палецъ между ними, и кузнечикъ перекуситъ его пополамъ, какъ соломинку! Онъ жеваль муху весьма усердно. И прошло не болѣе одной минуты, какъ отъ мухи и слѣда не осталось: она была съѣдена вся цѣликомъ.

Позавтракавши, кузнечикъ пошелъ по стеблю, какъ по мосту и скоро очутился на небольшомъ песчаномъ холмикѣ земли. Канаву копали не очень давно, и потому земля, вынутая изъ нея, лежала по бокамъ неровными горбами. Ихъ не успѣли разравнять дожди, а трава не успѣла покрыть ихъ сплошнымъ зеленымъ дерномъ.

Здѣсь кузнечикъ остановился и долго осматривался да повертывался кругомъ. Казалось, будто онъ задумывалъ что-то новое. Я слѣдилъ за нимъ внимательно и скоро замѣтилъ, что онъ начинаетъ ковырять землю заднимъ концомъ своего брюшка. Я и раньше видѣлъ, что у него на концѣ брюшка торчитъ, какъ изогнутая рукоятка, какой-то длинный и твердый стержень. Не то хвостъ, не то руль. Теперь оказалось, этотъ хвостъ былъ такой крѣпкій, что имъ можно было землю копать словно палкой.

Кузнечикъ слегка разрыхлилъ землю своимъ хвостомъ, и потомъ весь цѣликомъ воткнулъ туда его, да такъ и остался сидѣть на корточкахъ (Рис. 5). Онъ сидѣлъ такимъ образомъ долго и совершенно неподвижно. А я терпѣливо ждалъ, что будетъ дальше.

Наконецъ, онъ вытащилъ свой хвостъ, сдѣлалъ огромный прыжокъ куда-то въ сто-

рону и исчезъ у меня изъ глазъ. Я сидѣлъ почти у самой ямки, которую онъ оставилъ тамъ, куда втыкалъ хвостъ, и не зналъ, какъ мнѣ теперь рѣшить эту загадку. Зачѣмъ все это дѣлалъ кузнечикъ?

Чтобы узнать, я взялъ маленькую острую

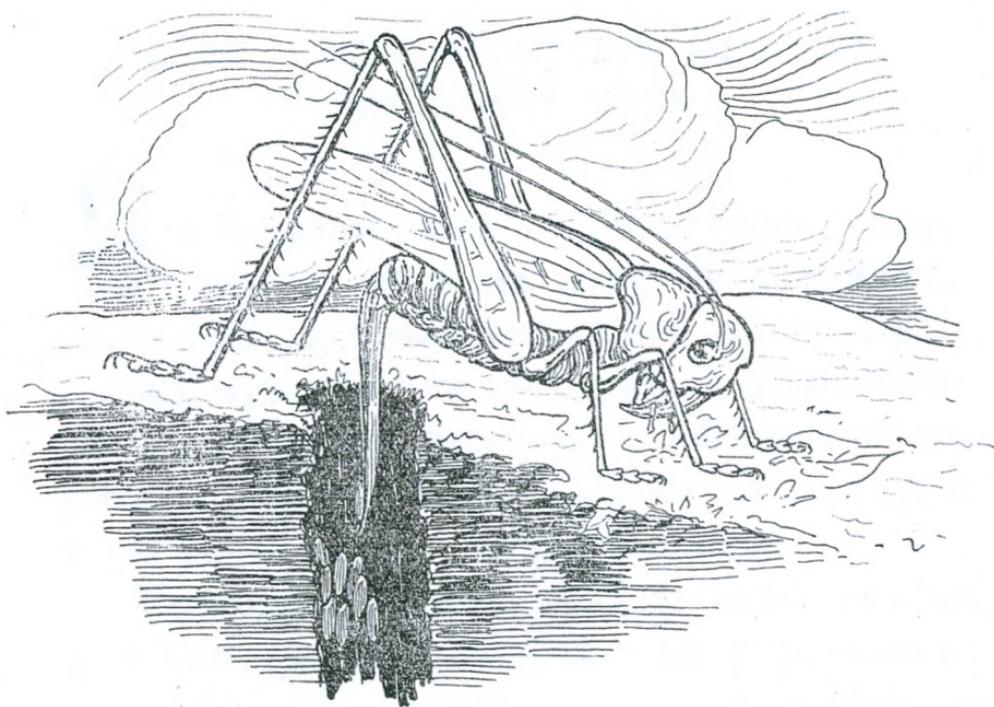

Рис. 5. Кузнечикъ кладетъ яички.

палочку и сталъ осторожно раскапывать землю какъ разъ у той ямки, гдѣ кузнечикъ копалъ своимъ хвостомъ. Я снялъ нѣсколько тонкихъ слоевъ земли, затѣмъ ковырнулъ еще разъ и выкопалъ сразу нѣсколько бѣловатыхъ и продолговатыхъ яичекъ.

— Вотъ такъ штука!—подумалъ я.—Кузнечикъ-то здѣсь яйца несъ, а я вовсе и не догадывался объ этомъ!

Я еще разъ старательно перекопалъ все это мѣсто, выбралъ изъ земли всѣ яйца и насчиталъ ихъ ровно двѣнадцать. Для пробы я раздавилъ одно яйцо. Оболочка была очень плотная, кожистая, а внутри была жидкая масса, вродѣ куриного бѣлка.

Тутъ я припомнилъ, что мнѣ приходилось читать о кузнечикахъ и о томъ, какъ кузнечики сверлятъ землю своимъ яйцекладомъ, кладутъ туда яйца, и какъ изъ этихъ яицъ выходятъ молодые, еще безкрылые дѣтеныши. Они также походятъ на взрослыхъ кузнечиковъ, какъ и молодые таракашки на взрослыхъ таракановъ. Когда они выйдутъ изъ яицъ, у нихъ ноги еще нѣжныя и слабыя, прыгать на нихъ еще нельзя и потому всякій можетъ съѣсть ихъ. Потому-то мать и зарываетъ ихъ еще до рожденія въ землю. Окрѣпнувши тамъ, они легко выбираютъ изъ рыхлой земли, питаются травой и насѣкомыми и быстро вырастаютъ.

И вотъ теперь только удалось мнѣ подглядѣть, какъ это дѣлается у нихъ на самомъ дѣлѣ!

IV.

Я плаваю по водамъ и вижу, какъ изъ воднаго животнаго дѣлается воздушное.

Послѣ этого мнѣ не захотѣлось оставаться здѣсь на лугу. Я понималъ, что ходить по травѣ мнѣ очень опасно. Вѣдь я, какъ мужичекъ съ ноготокъ, былъ немного больше ногтя, и потому могъ заблудиться въ высокой травѣ, какъ въ дремучемъ лѣсу, и меня могъ съѣсть всякій мышенокъ.

Поэтому я началъ придумывать какъ бы мнѣ перебраться опять за канаву къ нашему саду. Простая канавка, которую я бывало перепрыгивалъ, теперь была для меня большой широкой рѣчкой. Трудно было найти новаго кузнечика, который прыгнулъ бы туда и перенесъ меня съ собой. Да и нельзя заставить его прыгать туда, куда я хочу. Сядешь на него, а онъ прыгнетъ, да совсѣмъ не туда, куда нужно.

Мнѣ не оставалось ничего другого, какъ осмотрѣть канаву и поискать гдѣ бы переправиться черезъ нее обратно. На мое счастье, невдалекѣ, у самаго моего берега, плавала на водѣ маленькая дощечка съ ладонь величиной. Я спустился къ водѣ, подошелъ къ дощечкѣ какъ можно ближе и твердо сталъ на нее: она даже не покачнулась на водѣ. Трава обросла ее всю, и мнѣ не легко было выпутать ее изъ травы, отпихнуться отъ берега и выбраться на свободную воду. Я думалъ, что если я сильно оттолкнусь отъ этого берега, то моя дощечка отъ толчка поплыветъ, словно паромъ, прямо къ другому берегу.

Я такъ и сдѣлалъ. Но пока я освобождалъ свой плотъ изъ травы, онъ выбрался изъ нея безъ всякаго толчка и свободно поплылъ. Но поплылъ онъ не къ другому берегу, а вдоль канавы. Оказалось, что въ ней вода текла, какъ въ рѣкѣ, и меня понесло по теченію внизъ.

Тамъ недалеко былъ большой прудъ, а канава служила для того, чтобы спускать въ нее дождевую воду. Я думалъ, что пока мы плывемъ до пруда, насъ принесетъ теченіемъ къ тому, либо къ другому берегу канавы, и я выпрыгну на землю. Поэтому я усѣлся на

гладкой дощечкѣ, какъ на днѣ лодки, и сталъ ждать.

Но, увы, теченіемъ несло насъ какъ разъ по срединѣ, и скоро я съ тревогой замѣтилъ, что мы приближаемся къ пруду. Я испугался не на шутку. Если я не могъ переплыть обыкновенной канавы, которую легко перешагнетъ всякій взрослый, то въ прудѣ мнѣ придется совсѣмъ погибнуть. Вѣдь онъ для меня—настоящее море. А на этой убогой дощечкѣ моря не переплывешь!

Мой страхъ былъ очень великъ, но онъ не могъ помочь моему горю. Меня все несло и несло къ пруду. Вотъ, наконецъ, мы и въѣхали въ него! Какое широкое озеро! Какой большой водяной просторъ! Къ счастью у берега росло много кувшинокъ. Широкіе листья ея плавали неподвижно на поверхности воды, и къ одному изъ этихъ листьевъ тихо причалилъ мой плотъ и остановился.

Мы были всего въ двухъ шагахъ отъ берега. И я надѣялся, что я сойду съ плота на листъ и буду помаленьку перебираться съ одного листа на другой пока не дойду по нимъ до берега, какъ по мосту. Листья были большіе, широкіе, гладкіе. И на каждомъ листѣ теперь я также свободно помѣщался, какъ прежде на своемъ плоту. Для пробы я скакалъ

и прыгалъ на немъ, а онъ лежитъ себѣ на водѣ и не шелохнется!

Когда я осмотрѣлся, сидя на гладкомъ листѣ, я увидалъ, что здѣсь мнѣ будетъ очень хорошо и удобно. Вдали предо мной разстилась широкая водная гладь. Вѣтерокъ не колыхалъ ея, и она блестѣла какъ зеркало. Солнце только-что поднялось надъ деревьями, которыя окружали прудъ. И лучи его освѣтили какъ-разъ тотъ самый берегъ, возлѣ котораго сидѣлъ я на своемъ зеленомъ и сочномъ плоту. Рядомъ со мной плавало множество такихъ же точно большихъ и круглыхъ листьевъ, которые слегка блестѣли на солнцѣ. Кое-гдѣ листья тѣсно соприкасались другъ съ другомъ, такъ что легко было перебраться съ одного листа на другой.

Теперь я вполне успокоился. Вода въ прудѣ была совершенно неподвижна. Никакая опасность мнѣ не угрожала. Я растянулся на нѣжномъ и прохладномъ листѣ, чтобы погрѣться въ солнечныхъ лучахъ, и сталъ припоминать, какого водяного насѣкомаго я могу увидеть здѣсь.

Но припомнить мнѣ ничего не удалось. А потому я легъ ничкомъ, поставилъ спину солнцу, высунулъ голову за край листа и сталъ всматриваться въ воду. Носъ мой касался

самой воды, и когда я всмотрѣлся въ нее, я увидалъ, что она была очень прозрачна. Въ ней я могъ хорошо рассмотреть все до самаго дна. А глубина до дна здѣсь была болѣе одного аршина.

Когда я вглядѣлся въ воду внимательно и мои глаза привыкли къ тому полумраку, который царитъ въ ней, я скоро сталъ различать различныхъ странныхъ животныхъ. Изрѣдка мелькали небольшія рыбки. Но чаще всего вертѣлись и кувыркались какія-то длинныя, волосатыя и головастыя чудовища.

Эти чудовища, — поистинѣ ни рыба, ни ракъ, — ежеминутно то погружались до самаго дна, то выплывали на самый верхъ. Ни ногъ, ни плавниковъ у нихъ не было, но плавали они довольно быстро. Кувыркались всѣмъ тѣломъ, и отъ одного кувырканья передвигались въ водѣ прыжками. Поднимутся на поверхность, высунуть свой хвостикъ изъ воды, повисятъ - повисятъ внизъ головой неподвижно, а затѣмъ опять начнутъ кувыркаться ко дну.

Когда я рассмотрѣлъ ихъ хорошенько, то увидалъ, что ихъ два сорта. Одни — длинныя, прямыя и волосатыя, а другія — крючковатыя, съ огромнѣйшей головой, на которой

торчали ушки на макушкѣ. Они были совсѣмъ не похожи другъ на друга и плавали по различному: головастыя только кувыркались, а волосатыя дрыгали своими рѣсничками, какъ рыба плавниками. (Рис. 6).

Я долго наблюдалъ этихъ странныхъ животныхъ, которыя для меня не были страшны, потому что онѣ совсѣмъ не выхо-

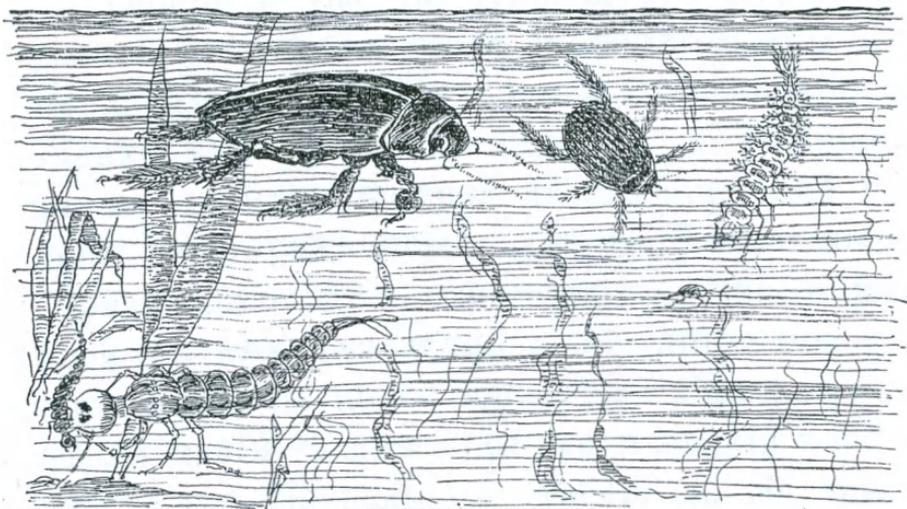

Рис. 6. Куколки и личинки комара.

дили изъ воды. Все оставалось безъ перемѣнъ. Какъ вдругъ, я замѣтилъ, одинъ изъ волосатыхъ кувыркуновъ прицѣпился возлѣ меня къ стеблю тростника, который торчалъ изъ воды и словно замеръ.

— Ужъ не умеръ ли онъ?—подумалъ я. — Можетъ быть и у нихъ есть какія-нибудь болѣзни? А можетъ быть старость пришла?

Но тутъ я увидалъ нѣчто такое, чего я никакъ не ожидалъ. У моего волосатика лопнула кожа во всю длину его грудной части. Образовалась длинная прорѣха, точно у разорванной до пояса рубашки. А изъ этой прорѣхи показалась огромная голова другого, уже крючкватаго животнаго. Кувыркаясь и изгибаясь, онъ вылѣзъ спокойно изъ своей прорѣхи, немножко помедлилъ и кувыркнулъ опять въ воду, какъ въ мягкую постель. А шкурка, изъ которой онъ вылѣзъ, осталась висѣть неподвижно на стеблѣ.

Я протянулъ руку, и хоть съ большимъ трудомъ, но досталъ шкурку къ себѣ и внимательно разсмотрѣлъ. Она была тонкая, мягкая, почти прозрачная, какъ стекло, волосатая и совершенно пустая внутри. Въ ней было животное, но оно ушло!

Я читывалъ, что насѣкомыя имѣютъ превращеніе, что изъ личинки выходитъ куколка, а изъ куколки бабочка, либо жукъ. Читывалъ также, что личинки и гусеницы линяютъ и сбрасываютъ свою шкурку цѣликомъ. Но что же такое произошло здѣсь? Вѣдь это не личинка линяла, потому что изъ шкурки вылѣзло не то животное, которое было, а совсѣмъ другое.

Мнѣ пришлось бы долго ломать голову

надъ этой загадкой, если бы счастливый случай не разрѣшилъ ее мнѣ самымъ нагляднымъ образомъ. Вскорѣ послѣ того, какъ я рассмотрѣлъ пустую шкурку во всѣхъ подробностяхъ, къ тому же самому стеблю тростника причалилъ со дна кувыркающійся большеголовикъ, прицѣпился къ нему и также замеръ, какъ раньше волосатикъ.

Теперь я уже не думалъ, что онъ собирается умирать, и сталъ спокойно ждать, что произойдетъ что-нибудь новое и неожиданное. Ждать мнѣ пришлось недолго. У голована также лопнула шкурка на его огромной головѣ какъ-разъ между ушами. Также точно образовалась здѣсь огромная прорѣха, и изъ этой прорѣхи медленно и неуклюже показалось какое-то новое животное. Сначала вылезли какія-то двѣ длинныя и тонкія ноги и уцѣпились впереди за стебелекъ. За ними показалась голова, еще четыре такія же точно ноги, потомъ что-то похожее на крылья. Но, что это были за крылья! Мятыя, сморщенные, онѣ походили на тонкій платокъ, который забили комомъ въ тѣсный мѣшокъ, подержали въ немъ нѣсколько дней и потомъ вытащили его оттуда въ видѣ измятой тряпицы.

Все это,—и ноги, и голова, и крылья,—

помѣщались, какъ въ мѣшкѣ, въ этомъ толстомъ концѣ животнаго, который я призналъ ошибочно за большую голову.

Наконецъ, напоследокъ вышло тонкое и

Рис. 7. Комаръ покидаетъ свою оболочку.

длинное брюшко, которое помѣщалось въ тонкой половинѣ головастаго кувыркуна.

Такъ вылѣзло постепенно изъ шкурки новое животное съ большими ногами и крыльями. Оно стало слегка пошевеливать и дрыгать ими, и такимъ образомъ постепенно

расправило ихъ. А когда оно ихъ расправило и спокойно сложило на спинѣ, я взглянулъ на него и ахнулъ отъ изумленія:

— Батюшки! Да вѣдь это комаръ! Самый обыкновенный, настоящій комаръ! Вотъ-вотъ онъ отдохнетъ немножко, сядетъ мнѣ на носъ, и укуситъ... (Рис. 7).

Но комару было не до меня. Онъ сидѣлъ почти неподвижно, такой хилый, мягкій да слабый. На крыльяхъ у него все еще виднѣлись старыя складки. Ноги гнулись и съ трудомъ удерживали его. Вѣдь онъ только-что родился на свѣтъ. А всѣ новорожденные—такіе слабенъкіе, да вялые.

Прошло много времени, прежде чѣмъ комаръ окрѣпъ. Хотя онъ и только-что родился на свѣтъ, но онъ былъ не маленькій, а настоящаго комаринаго роста. Я вспомнилъ, что тѣ насѣкомыя, которыя рождаются прямо изъ яйца, рождаются маленькими и потомъ постепенно вырастаютъ. Таковы кузнечики и тараканы. Тѣ же насѣкомыя, которыя рождаются не изъ яйца, а выходятъ изъ куколки, рождаются прямо взрослыми и ужъ не растутъ больше нисколько.

Пока я припоминалъ это, я догадался, что большеголовый кувыркунъ есть просто-на-просто куколка комара. Правда, куколки

обыкновенно бываютъ неподвижны. И только слегка дрыгаютъ брюшкомъ, если ихъ надавить немножко. Куколка же комара живетъ въ водѣ. А ей, какъ и всякому живому животному, нужно дышать воздухомъ. Дыхальце у ней устроено на хвостѣ въ видѣ трубочки. И вотъ она лежитъ-лежитъ спокойно въ водѣ, а какъ только понадобится подышать свѣжимъ воздухомъ, начнетъ быстро кувыраться кверху. Затѣмъ выставляетъ изъ воды свою дыхательную трубочку наружу и набираетъ воздуха столько, сколько ей нужно.

Догадался я также, что волосатое чудовище есть вовсе не чудовище, а простая личинка комара. Вотъ она, дѣйствительно, растетъ, какъ и всѣ личинки. И хотъ мнѣ не удалось видѣть, какъ личинки комара выходятъ изъ яицъ, но я видѣлъ здѣсь много личинокъ разнаго возраста, и маленькихъ, и большихъ. А значить, когда изъ шкуры волосатаго чудовища выходилъ большеголовый кувыркунъ, тогда личинка комара превращалась въ куколку. Такъ это бываетъ почти у всѣхъ и другихъ насѣкомыхъ. Такъ я и читывалъ не разъ въ своихъ книжкахъ. Только видѣть этого мнѣ никогда не приходилось, особенно же у комара, котораго личинки и

куколки живутъ въ водѣ и здѣсь прячутся отъ нашихъ глазъ.

Я лежалъ на листѣ, соображалъ все это да припоминалъ, а мой комаръ все сидѣлъ да набирался силъ. Изрѣдка онъ взмахивалъ крыльями, какъ бы пробовалъ ихъ крѣпость. А иногда прохаживался взадъ и впередъ по стеблю тростника и этимъ укрѣплялъ свои шатающіяся длинныя ноги. Наконецъ, онъ взмахнулъ крыльями посильнѣе, оттолкнулся ногами отъ стебля и полетѣлъ. Первая серьезная проба! Первый полетъ въ его жизни! Родился, посидѣлъ и полетѣлъ!

Все время жилъ онъ въ водѣ. Провелъ полжизни въ водѣ въ видѣ личинки и куколки. Плавалъ, кормился мелкими растеніями. А потомъ у него выросли крылья, онъ обсохъ, взмахнулъ ими и улетѣлъ навсегда въ воздухъ (рис. 8).

Въ воду ужъ онъ никогда больше не вернется. Но онъ помнитъ, что жилъ въ водѣ и вышелъ изъ воды. Поэтому онъ не любитъ яркаго солнца и сухой погоды, а летаетъ только по вечерамъ, когда сыро да прохладно, и живетъ больше въ тѣнистыхъ и влажныхъ мѣстахъ.

Но мой комаръ былъ еще слабъ. И его первый полетъ былъ очень коротокъ. Едва

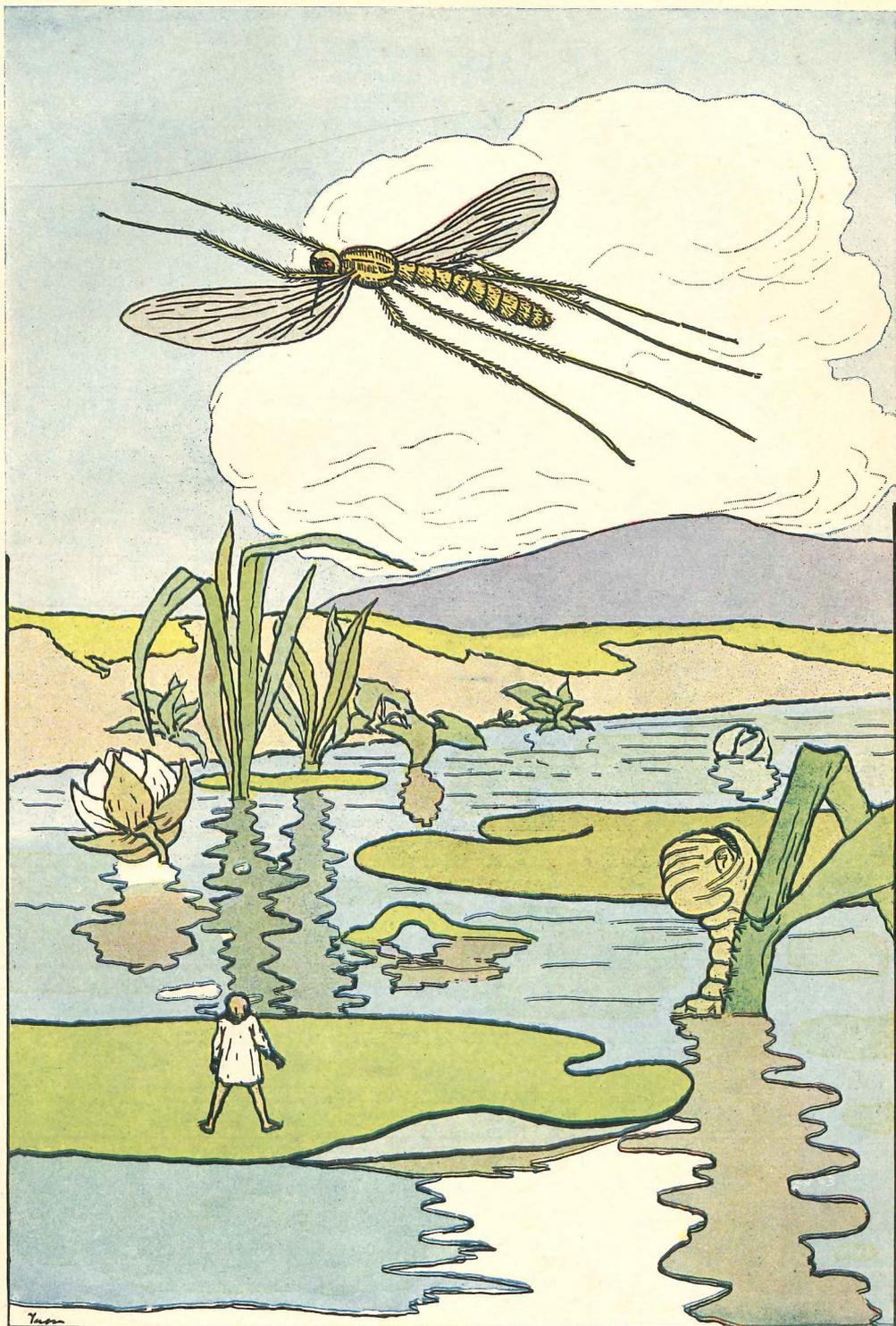

Рис. 8. Онъ обсохъ, взмахнулъ крыльями и улетѣлъ навсегда.

онъ долетѣлъ до слѣдующаго ближайшаго стебелька, какъ сѣлъ на него отдыхать. Но сѣлъ онъ уже далеко отъ меня, наблюдать за нимъ мнѣ было неудобно, и потому я скоро потерялъ его изъ вида.

У.

Ни крокодилъ, ни бегемотъ: живетъ въ водѣ, а летаетъ по воздуху.

У овсѣмъ я не жалѣлъ, что новорожденный комаръ улетѣлъ. У меня передъ глазами въ водѣ были гораздо болѣе крупныя и интересныя звѣри.

Уже нѣсколько разъ я замѣчалъ, что подъ сосѣднимъ листомъ кувшинки мелькаютъ какія-то двѣ огромныхъ рыбы. Одна была настоящая рыба, съ головой, хвостомъ и плавниками, какъ слѣдуетъ. Другая же рыба была съ ногами. Эта ногастая рыбина имѣла тонкую шею и толстую, усатую и рогатую голову. Особенно страшны были два острыхъ рога, которые торчали впередъ, какъ у сердитой коровы.

Этотъ звѣрь съ шестью длинными ногами былъ раза въ три больше меня. Я срав-

нилъ бы его съ крокодиломъ, только у крокодила всего четыре лапы и длинная зубастая голова. А у этого звѣря на его толстой головѣ даже пасти совсѣмъ не было: голова настоящая, а рта нѣтъ!

Сначала я замѣтилъ его одного отдѣльно. А потомъ они какъ-то сцѣпились вмѣстѣ съ огромной рыбой и долго барахтались вмѣстѣ. Я думалъ, что они играютъ, либо борятся. Рыба была немного подлиннѣе невиданнаго мною звѣря. Они все время вертѣлись, и потому я долго не могъ разсмотрѣть, какимъ образомъ они сцѣпились другъ съ другомъ.

Наконецъ, рыба стала замѣтно ослабѣвать и понемного совсѣмъ затихла. Ея плавники и хвостъ оставались совсѣмъ безъ движенія, и она казалась мертвой. Ужъ не погибла ли она въ борьбѣ со своимъ страшнымъ врагомъ?

И вотъ теперь только я разсмотрѣлъ, что мой хищный звѣрь держитъ эту большую рыбу «въ зубахъ». Правда зубовъ у него не было, потому что не было вовсе рта. Но этотъ безротый звѣрь былъ страшнѣе самаго зубастаго. Я увидалъ, что его длинные, острые роги могутъ сжиматься и разжиматься, какъ ножницы. Теперь онъ вонзилъ ихъ въ бокъ бѣдной рыбы, большой, но безсиль-

ной, крѣпко сжалъ и держитъ ее, какъ въ клещахъ. (Рис. 9).

Ногами онъ крѣпко уцѣпился за стебелекъ листа, а рыбу держалъ своими клещами, не выпуская ее ни на одинъ мигъ. Ужъ не сосалъ ли онъ ее? Я очень внимательно слѣдилъ за нимъ, но никакъ не могъ подмѣтить никакихъ особыхъ движеній. Жевать онъ не могъ, потому что жевать было нечѣмъ. Значитъ, онъ могъ питаться только какъ сунокъ.

Сколько прошло времени за этимъ наблюденіемъ, я не знаю. Можетъ быть часъ, а можетъ быть болѣе. Отъ воды вѣяло пріятной прохладой, а сверху ласково пригрѣвало солнышко. Лежать было мягко и удобно, и потому времени я не замѣчалъ. Наконецъ, мой звѣрь выпустилъ свою жертву. Клещи его раздвинулись. Острые, какъ иглы, концы ихъ онъ вытащилъ изъ рыбы и оттолкнулъ ее.

Рыба, конечно, была мертва. Свободная отъ клещей хищника, она медленно всплыла наверхъ, какъ-разъ у самаго листа, на которомъ я лежалъ. Я подхватилъ ее рукой и безъ труда вытащилъ цѣликомъ на свой листъ.

Увы, это была уже не рыба, а только

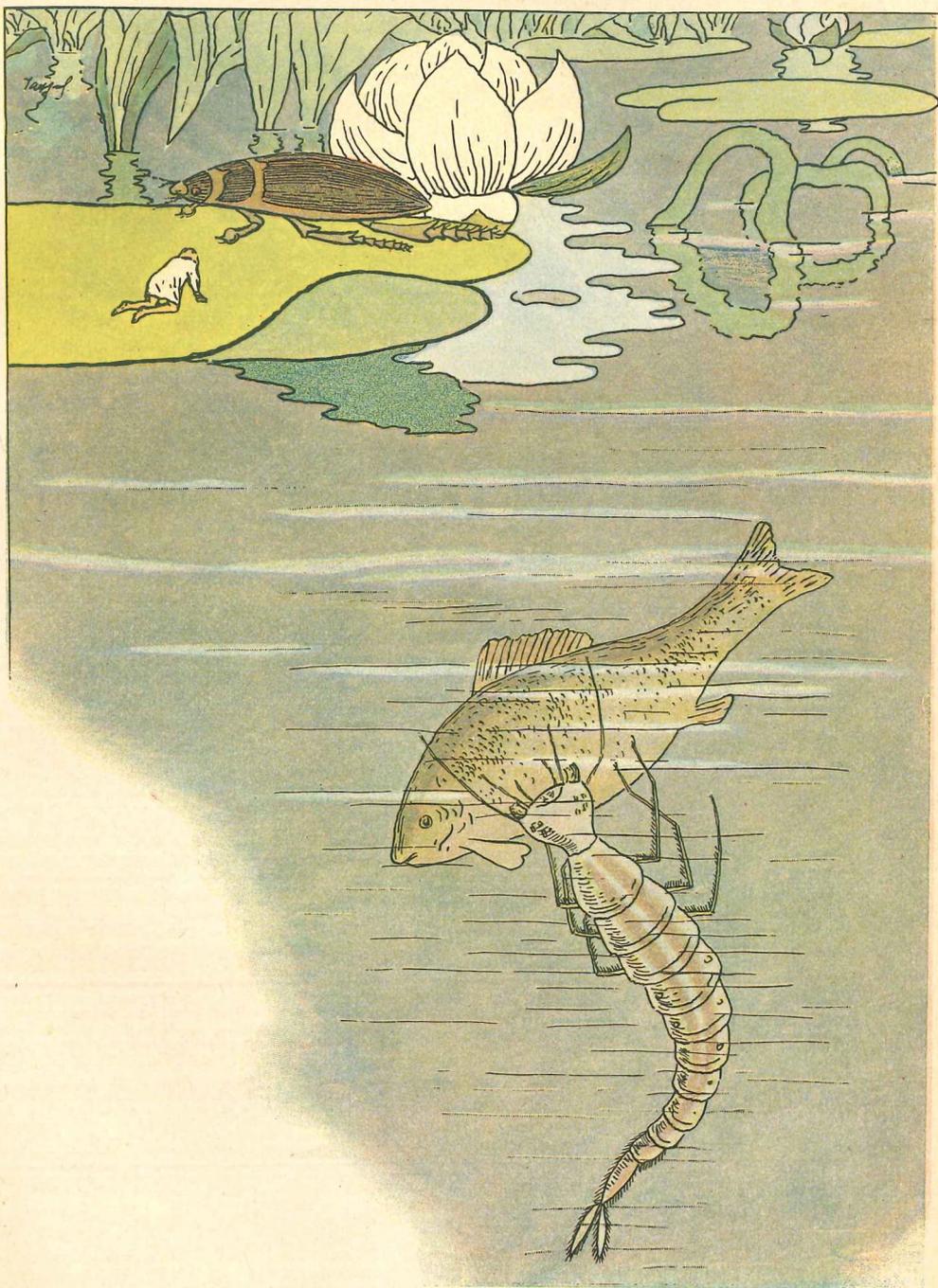

Рис. 9. Онъ вонзиль рога въ бокъ бѣдной рыбы, большой, но безильной, крѣпко сжалъ и держитъ ее, какъ въ клещахъ.

одна кожа да кости ея. Когда я поднималъ ее за середину, она гнулась и висла словно толстый пустой мѣшокъ. Очевидно, все нутро, всѣ соки ея были высосаны начисто. Никакая пиявка не сдѣлаетъ этого такъ искусно и такъ основательно.

Пока я разсматривалъ жалкіе остатки бѣдной рыбы, я чуть не прозѣвалъ своего хищника, который сначала сидѣлъ неподвижно въ той же самой позѣ на томъ же самомъ мѣстѣ. Наконецъ, онъ сталъ выражать беспокойство, ходилъ въ водѣ постеблювверхъ и внизъ и какъ будто что-то розыскивалъ. Затѣмъ недалеко отъ самой поверхности онъ крѣпко уцѣпился всѣми шестью лапами за край листа и замеръ въ неподвижности.

Я смотрѣлъ на него не спуская глазъ, потому что теперь онъ былъ очень близко отъ меня. Какъ вдругъ, я вижу, кожа на головѣ у него лопається не въ видѣ одной длинной прорѣхи, какъ у личинки комара, а сразу въ видѣ нѣсколькихъ прорѣхъ. Я сейчасъ же сообразилъ, что начинается какое-то превращеніе и сталъ глядѣть на хищника во всѣ глаза.

Но я ошибся. Изъ широкой прорѣхи показалась голова—та же самая рогатая и усатая голова, какая и была. За головой пока-

зались ноги. Передними ногами хищникъ уцѣпился за листъ и вылѣзъ постепенно весь изъ своей старой шкуры, какъ изъ мѣшка. Шкурка же осталась висѣть на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ и была.

Очевидно, онъ только линялъ. Выросъ изъ старой шкуры, которая стала тѣсна ему, и сбросилъ ее, какъ тѣсную обувь. Конечно, къ этому времени подъ ней у него выросла другая молодая шкурка, на первыхъ порахъ тонкая и нѣжная. Очевидно, поймавши рыбу, онъ такъ сильно насосался, что ему стало тѣсно въ старой шкурѣ и потребовалось сбросить ее поскорѣе.

Мнѣ очень хотѣлось достать сброшенную шкурку и рассмотреть поближе, но достать было очень трудно. Рука моя была коротка для этого, а никакой подходящей палки у меня не было. Не видно было ея нигдѣ и поблизости.

Я смотрѣлъ на шкурку и соображалъ, какъ мнѣ легче и удобнѣе достать ее. Какъ вдругъ я вижу новаго звѣря, — совсѣмъ непохожаго на всѣхъ прежнихъ. Огромный, широкій и плоскій, черный и гляцевитый, съ шестью шиповатыми ногами и съ двумя усами онъ быстро поднимался со дна какъ-разъ у того мѣста, гдѣ висѣла шкурка. Поднявшись до нея и перебирая лапами, чтобы ухватиться

за листь, онъ ухватился нечаянно за висѣвшую шкурку и оторвалъ ее отъ листа. Послѣ этого она выплыла на верхъ.

Я не зналъ теперь, что мнѣ дѣлать, ловить-ли шкурку, или слѣдить за невиданнымъ звѣремъ.

Звѣрь, конечно, былъ интереснѣе да и страшнѣе. Если бы онъ задумалъ влѣзть ко мнѣ на мой листь, я не зналъ бы, куда мнѣ отъ него спастись. Листъ былъ гладкій, а кругомъ вода. Если бы онъ быстро прыгнулъ ко мнѣ, тутъ мнѣ и конецъ: схватилъ бы меня всѣми шестью шиповатыми и крючковатыми лапами и урваться некуда. Тяжелый и крѣпкій, точно броненосецъ, окованный желѣзомъ, онъ могъ совсѣмъ придавить меня своей тяжестью, потому что былъ раза въ три больше меня.

Надо сознаться, что мнѣ сдѣлалось такъ страшно, какъ никогда еще не было. И я ужъ соображалъ, что въ случаѣ опасности, мнѣ лучше ухватиться за тотъ стебель тростника, который стоялъ почти рядомъ. На немъ раньше сидѣлъ комаръ, и я могъ легко влѣзть на него, какъ на дерево. Я догадывался, что такой огромный и неуклюжій звѣрь, который плаваетъ въ водѣ, не можетъ лазить по деревьямъ.

Но звѣрь, напугавшій меня, вовсе не думалъ лѣзть ко мнѣ на листъ. Навѣрное, онъ совсѣмъ и не замѣтилъ меня. Онъ просто выплылъ наверхъ, высунулъ задній конецъ своего брюшка на воздухъ, и такъ повисъ неподвижно у самаго листа внизъ головой.

Повисѣвши такимъ образомъ нѣсколько минутъ, онъ опять нырнулъ въ воду и поплылъ ко дну, перебирая лапами въ водѣ.

Я вздохнулъ свободно и успокоился. На этотъ разъ я былъ спасенъ. А если онъ пожалуетъ ко мнѣ вторично, я успѣю придумать что-нибудь и переправиться съ этого листа на другой, либо прямо на берегъ.

А теперь я вспомнилъ о шкуркѣ, которая спокойно плавала на поверхности недалеко отъ моего листа. И чтобы достать ее, сталъ рукой загребать воду къ себѣ. Отъ этого вода заколыхалась и стала двигаться ко мнѣ, а вмѣстѣ съ ней стала приближаться ко мнѣ и шкурка. Наконецъ, я могъ уже схватить ее прямо рукой.

Она была почти такая-же тонкая и прозрачная, какъ и у личинки комара, только гораздо грубѣе той. Очевидно, это была тоже шкурка личинки, но чьей, вотъ вопросъ?

Я осторожно расправилъ ее на листѣ и выправилъ всѣ лапы, что-бы шкурка при-

няла форму той личинки, которая ее сбросила. Сдѣлать это было легко, потому что шкурка нигдѣ, кромѣ головы, не была повреждена нисколько.

Когда я расправилъ ее и немного изогнулъ хвостовую часть, то увидаль, что моя шкурка очень похожа на рисункъ, который я видаль недавно въ книгѣ о насѣкомыхъ. Я сталъ припоминать, чья личинка была изображена на рисункѣ, и, наконецъ, вспомнилъ. Я былъ такъ радъ этому, что даже воскликнулъ вслухъ:

— Вѣдь эта личинка жука плавунца! И какая же она страшная, огромная и прожорливая! Съѣдаетъ разомъ цѣлую рыбу почти съ себя ростомъ! Никогда бы не повѣрилъ этому, если бы не увидаль собственными глазами!

— Ну, думаю: если это личинка жука плавунца, то не былъ-ли то самъ жукъ, этотъ плоскій, широкій броненосецъ, который такъ напугалъ меня сейчасъ, и который высовывалъ свое брюшко изъ воды?

— Конечно, это былъ онъ! Ему понадобился свѣжій воздухъ и онъ выплывалъ за нимъ. Я читывалъ, что его дыхальца помещены въ задней части и, значитъ, онъ набиралъ въ нихъ воздуху на запасъ. Теперь

я все вспомнилъ и сообразилъ! И если онъ опять пожалуетъ ко мнѣ, я ужъ ни капли не испугаюсь его. Теперь я сразу узнаю его, потому что на рисункѣ видалъ не только личинку, но и самого жука.

Но долго еще пришлось мнѣ ждать его. Можетъ быть въ это время онъ и выплывалъ не разъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, но не возлѣ меня. Пробыть же долго подъ водой безъ воздуха онъ не могъ. Наконецъ, я сталъ уже терять терпѣніе. Какъ вдругъ вижу, торчитъ изъ воды усатая голова и лѣзетъ ко мнѣ прямо на листъ. Если бы я хотѣлъ пошалить, я могъ бы дернуть его за одинъ усъ. Тогда онъ, испугавшись, нырнулъ бы опять въ воду. Но шалить я не думалъ. И совсѣмъ не боялся теперь такого смирнаго, хоть и огромнаго жука. Поэтому я не мѣшалъ ему вылѣзть ко мнѣ на листъ.

Не знаю, захотѣлось ли ему погрѣться на солнцѣ или надоѣло ему плавать въ водѣ. А можетъ быть онъ усталъ и захотѣлъ отдохнуть да надышаться воздухомъ подольше. Только онъ преспокойно вылѣзъ на мой листъ, сѣлъ на немъ, не обращая на меня никакого вниманія, и принялъ покойную и неподвижную позу. Ужъ не дремалъ ли онъ на солнышкѣ?

Я воспользовался этимъ и сталъ ходить кругомъ него да осматривать его со всѣхъ сторонъ. Это былъ обыкновенный крупный жукъ, похожій на всѣхъ другихъ жуковъ. Но крылья у него были жесткія, грудь и брюшко—также въ жесткомъ панцырѣ. Поэтому весь онъ похожъ былъ на броненосецъ, либо на подводную лодку, окованную желѣзомъ со всѣхъ сторонъ. Чтобъ осмотрѣть его хорошенько, я лазилъ подъ него и видѣлъ, что нигдѣ у него нѣтъ ни одного мягкаго и нѣжнаго мѣста. Если бы я сталъ колоть его иглой, я бы не нашелъ мѣста, черезъ которое можно проткнуть его. Только сзади подъ крыльями у него есть небольшая впадина. И должно быть въ нее-то онъ и набираетъ воздухъ, когда поднимается изъ воды на минутку, чтобы подышать.

А я уже давно читывалъ, что всѣ насекомыя дышатъ не ртомъ, а брюхомъ.

Затѣмъ, у него интересны заднія лапы. Онѣ покрыты густыми длинными волосами, и эти волосы помогаютъ ему плавать. Я видѣлъ, какъ въ водѣ онъ загребаетъ воду этими волосатыми ногами, точно веслами.

Я осматривалъ его не спѣша, потому что мой броненосный бегемотъ сидѣлъ безъ малѣйшаго движенія, и я думалъ, что онъ заснулъ.

Какъ вдругъ, я вижу, онъ поднимаетъ свои жесткія, негнушіяся, какъ желѣзо, крылья. Изъ подъ нихъ развертываются другія крылья, тонкія, нѣжныя и огромныя, какъ паруса. Онъ взмахиваетъ ими по воздуху и медленно, съ натугой поднимается въ высь.

— Прощай, милый другъ,—успѣлъ сказать я ему въ догонку и скоро потерялъ его изъ виду. Онъ исчезъ гдѣ-то вдали надъ берегомъ пруда.

Очевидно, онъ вылѣзъ ко мнѣ на листъ только за тѣмъ, чтобы хорошенько обсушиться для полета. Правда, вода и такъ скатывалась съ него, какъ съ гуся.

— Хорошо, подумалъ я, такому звѣрю. Въ водѣ онъ плаваетъ, какъ рыба, и ныряетъ тамъ всюду, какъ дома. На сушѣ онъ можетъ дѣлать все то же, что и мы. А надоѣстъ сидѣть на одномъ мѣстѣ, такъ онъ умчится въ высь поднебесную, словно птица. Вездѣ ему хорошо и вездѣ онъ чувствуетъ себя привольно. А я вотъ сижу тутъ безъ движенія на убогомъ листѣ и никуда не могу перебраться съ него. Эхъ, полетѣлъ бы и я самъ, посмотрѣлъ бы на землю съ высоты и окунулся бы въ широкій, воздушный просторъ!

VI.

По водамъ, какъ по суху, и на волосокъ отъ смерти.

о полетѣть мнѣ на этотъ разъ не удалось.

Зато мнѣ пришлось пережить на водѣ новое приключеніе, такое, о какомъ я никогда въ жизни не думалъ.

Я достаточно насмотрѣлся въ глубь воды и потому сталъ теперь озираться по сторонамъ, да соображать, какъ бы мнѣ перебраться со своего пловучаго острова на твердый берегъ. Придумать это было нелегко, потому что плавать я не умѣлъ, а мою досечку, на которой я пріѣхалъ сюда, давно унесло отъ меня легкимъ вѣтеркомъ.

Теперь я, сколько ни смотрѣлъ вокругъ, не могъ найти ни одной вещицы, которая мнѣ помогла бы попасть на сушу. А и берегъ-то былъ въ двухъ шагахъ отъ меня!

Дѣйствительно, близокъ локоть, да не укусишь! Вся эта часть пруда была покрыта такими же широкими листьями кувшинки, но листъ отъ листа отдѣлялся небольшою полосой воды. Перейти же посуху небольшую полосу воды такъ же трудно, какъ и большую.

Оглядываясь во все стороны съ гладкаго поля своего листа, я замѣтилъ, что на водѣ плаваютъ какія-то удивительныя длинноногія животныя. Да и плаваютъ они необыкновенно странно. Они не барахтаются, не загибаютъ воды, даже не сидятъ въ водѣ, а спокойно стоятъ на поверхности воды, какъ на стеклѣ и скользятъ по ней, какъ будто это—не жидкая вода, а твердый ледъ.

Величиной они были меньше чернаго таракана, а по водѣ скользили такъ же легко, быстро и плавно, какъ это дѣлаемъ мы на конькахъ, либо на лыжахъ.

Я зналъ, что на лыжахъ можно ѣздить по глубокому рыхлому снѣгу, и тогда даже большой человекъ не проваливается въ немъ. Ужъ нѣтъ ли, думалъ я, и у этихъ животныхъ подъ ногами чего-нибудь похожего на лыжи? Но издали мнѣ было не видно, какъ это они держатся на водѣ и почему не тонуть.

Любо было посмотрѣть на этихъ скоро-

ходовъ. Для нихъ вездѣ жидкая и топкая вода—словно суша, и скользятъ они по ней скорѣе всякаго парохода. Ъдутъ быстро-быстро, безъ остановки, а то вдругъ останавливаются и какъ будто размышляютъ, продолжать ли имъ путь въ ту же сторону, или повернуть въ другую?

Повидимому, они ничѣмъ не были заняты, и только прогуливались да наслаждались хорошей ясной погодой, зеркальной гладью воды, и еще своимъ удивительнымъ искусствомъ стоятъ на всѣхъ ногахъ поверхъ воды и не тонуть въ ней.

Я видѣлъ ихъ нѣсколько штукъ и скользили они по пруду въ разныхъ направленіяхъ.

— Вотъ бы, думалъ я, взять себѣ одного такого лодочника. Мигомъ доставилъ бы онъ меня къ берегу. Вонъ какъ легко и быстро скользятъ онъ на водѣ!...

Вдругъ, словно нарочно, для исполненія моихъ желаній, одинъ скороходъ направился издали какъ разъ мимо моего листа. Неподалеку онъ раза два остановился, а у самого края моего листа остановился еще разъ.

Я сильно обрадовался случаю рассмотреть его устройство. И потому совсѣмъ забылъ про свое желаніе—поѣхать вмѣстѣ съ нимъ по водѣ къ берегу.

Онъ былъ весь длинный да узкій. И голова, и брюшко — заостренныя. Ноги длинныя, колѣнчатыя, съ какими-то коготками. А все брюшко покрыто густыми-прегустыми волосками, и въ нихъ запуталось нѣсколько пузырьковъ воздуха. Очевидно, эти пузырьки и держали его на водѣ, вродѣ того, какъ тѣ резиновые пузыри, на которыхъ я учился плавать, да не успѣлъ научиться.

У него были крылья такія же твердыя и жесткія, какъ и у жука. Вѣроятно, подъ ними прятались также, какъ у жука, другія крылья, нѣжныя да пленчатыя, на которыхъ онъ можетъ летать. Вѣдь, если высохнетъ этотъ прудъ, не умирать же ему здѣсь? Наверное, полетитъ тогда разыскивать другой такой же прудъ, спокойный да широкій.

Повидимому, весь онъ былъ жесткій да твердый. Но по общему облику онъ скорѣе напоминалъ клопа, чѣмъ жука.

Разсмотрѣвши его, я тотчасъ вспомнилъ, что это и есть такъ называемый водяной паукъ. Всѣ почему-то его такъ называютъ. И никому не придетъ въ голову сосчитать, что у него всего только шесть ногъ, между тѣмъ какъ у každого паука ихъ восемь.

Вспомнилъ я также, что я гдѣ-то читывалъ про этого водяного скорхода. Вспом-

нилъ, что настоящее названіе ему — водо-мѣрка, и что она, дѣйствительно, есть клопъ, похожій и на постельнаго, и на цвѣточнаго клопа.

Но пока я сидѣлъ, да вспоминалъ, мой водяной клопъ взмахнулъ всѣми шестью лапами, скользнулъ мимо моего листа и отправился путешествовать дальше по всему пруду. Я же, какъ былъ, такъ и остался по-прежнему на своемъ необитаемомъ, да еще пловучемъ островѣ. По-прежнему сидѣлъ я на немъ недвижимо, да глядѣлъ на берегъ, на который я никакъ не могъ попасть.

Что если придется мнѣ просидѣть здѣсь нѣсколько дней и помереть голодной смертью? Вѣдь если и придетъ кто-нибудь сюда къ этому пруду, то онъ не замѣтитъ меня такого крохотнаго. Весь я теперь ростомъ съ муху. А кто же замѣтитъ съ берега муху, которая сидитъ гдѣ-то среди пруда на зеленомъ листѣ кувшинки?

Отъ этой мысли мнѣ стало такъ грустно, что я готовъ былъ расплакаться. Но плакать мнѣ было стыдно, потому что я хотѣлъ дѣлать наблюденія надъ жизнью насѣкомыхъ.

— Такъ буду же терпѣть, пока можно, и ждать какого-нибудь счастливаго случая!

Случай, говорятъ, всегда приходитъ къ тому, кто умѣетъ ждать.

Съ горя я легъ теперь на спину на своемъ зеленомъ ложѣ и сталъ смотрѣть въ небо. Тамъ высоко плыли бѣлыя кудрявыя облачка, и то расплывались, измѣняли свою фигуру, то таяли совсѣмъ и исчезали. А ниже рѣяли ласточки да стрижи. И такъ имъ было привольно въ этомъ воздушномъ просторѣ! Невольно я позавидовалъ имъ и пожалѣлъ, что всѣ люди отъ природы—такіе толстые, большіе, да тяжелые. Если бы они стали такими маленькими, да легкими, какимъ сталъ теперь я, они скоро научились бы летать по воздуху.

Пока я мечталъ объ этомъ, я не замѣтилъ, какъ у меня почти подъ самымъ ухомъ что-то затрепыхалось. Я вскочилъ на ноги и увидалъ летящаго дракона. Онъ былъ такъ великъ, что тѣнь отъ него упала на меня и мнѣ показалось, что солнце вдругъ затмилось. Вѣроятно, онъ хотѣлъ присѣсть на томъ стеблѣ тростника, на которомъ сидѣлъ комаръ, но ему показалось неудобнымъ и онъ затрепыхалъ крыльями и опять улетѣлъ въ высъ. Я со страхомъ и удивленіемъ проводилъ его глазами, пока онъ не исчезъ изъ виду.

Сначала я очень обрадовался тому, что миновала большая опасность для меня, а потомъ сталъ жалѣть: можетъ быть, это былъ добрый драконъ, и можетъ быть онъ помогъ бы мнѣ перелетѣть на берегъ и спастись со своего пустыннаго острова.

На этотъ разъ мнѣ не долго пришлось охать да вздыхать. Совершенно незамѣтно для меня, откуда-то сразбѣгу наѣхала на мой

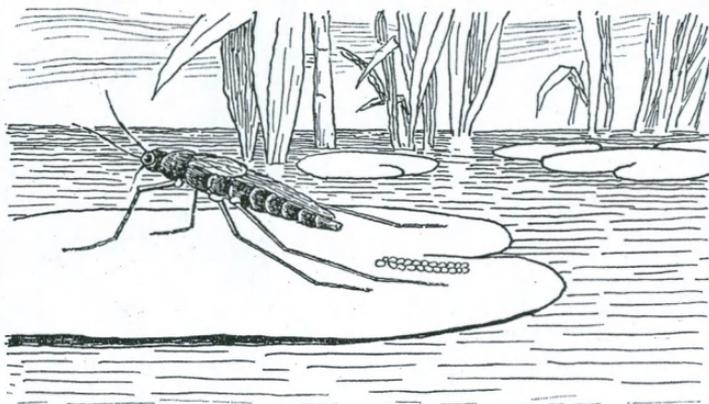

Рис. 9. Водомѣрка на листѣ.

листъ водомѣрка и сѣла на немъ. (Рис. 9). Можетъ быть она скользила очень быстро и издали совсѣмъ не замѣтила моего листа, который стоялъ съ краю одиноко. А наѣхавши на листъ, она очутилась на сухомъ пути и потому остановилась въ недоумѣньи: почему это лапки ея, которыя раньше такъ хорошо скользили, вдругъ перестали двигаться.

Это было какъ разъ на мое счастье. Мнѣ

такъ сильно хотѣлось сдвинуться съ моего голаго листа, что я забылъ всякую осторожность. Я не сталъ раздумывать можетъ ли поднять меня водомѣрка, и если подниметъ, то можетъ ли довести меня до берега. Я боялся только одного, что потеряю и этотъ случай. И потому, не медля ни секунды, закинулъ ногу и сѣлъ на водомѣрку верхомъ. (Рис. 10). Было жестко и неудобно, но поправляться мнѣ было некогда, потому что водомѣрка почувствовала сѣдока и моментально тронулась въ путь.

Такимъ образомъ, не успѣлъ я опомниться, какъ сѣхалъ со своего надежнаго листа и очутился среди зыбкой и опасной водной глади.

Водомѣрка, конечно, ни разу въ своей жизни не возила на себѣ ни одного сѣдока. Она чувствовала себя неловко и тяжело и съ трудомъ подвигалась впередъ. Но подвигалась она, увы, не къ берегу, а на средину пруда, гдѣ мнѣ было еще страшнѣе и еще опаснѣе.

Быть можетъ, думалъ я, она перевезетъ меня на другой берегъ черезъ весь прудъ. Но когда я увидалъ, какъ подъ ней гнется вода и какъ трудно ей двигаться далѣе, я потерялъ всякую надежду. Я глядѣлъ сверху на темную воду. Она разстилалась подъ нами

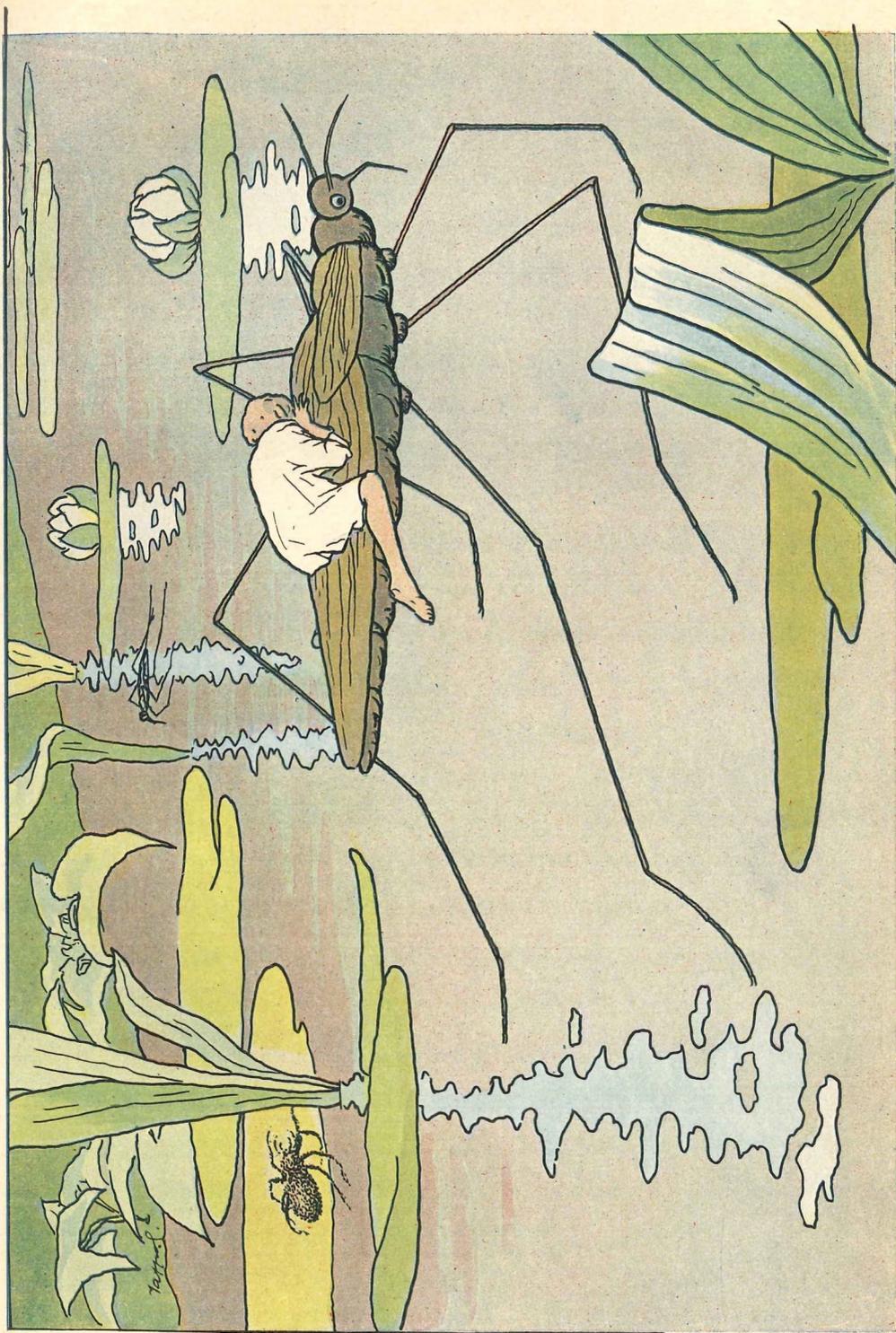

Рис. 10. Не медля ни секунды, закинула ногу и сѣла на водомерку верхомъ.

и за нее уже зацѣпляли мои болтавшіяся ноги. Одинъ мигъ, и я оборвусь со своего скользкаго шестиногого водяного коня. Отъ этой мысли мнѣ стало страшно, какъ никогда за весь сегодняшній день. А этотъ день далъ мнѣ уже немало разныхъ приключеній!

Вдругъ не выдержитъ вода, либо спина моего чудеснаго коня и мы оба очутимся въ глубинѣ безъ всякой помощи и безо всякой надежды!

Однако мы помаленьку двигались все впередъ и впередъ, и я уже сталъ немножко успокаиваться. Вотъ мы переплыли средину пруда. Вотъ удалились уже и отъ средины и стали приближаться къ тому берегу. Тамъ уже виднѣлись мнѣ сплошныя заросли кувшинки и тростника. А водомѣрка точно привыкла къ сѣдоку, оправилась и стала подвигаться быстрѣе и тверже.

Я уже видѣлъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ ближайшій листъ кувшинки и захотѣлъ посмотрѣть вглубь воды, далеко-ли здѣсь дно, гдѣ растеть кувшинка.

Но едва я взглянулъ въ воду, какъ въ этотъ же мигъ передо мной мелькнула морда какого-то отвратительнаго водяного чудовища, и вдругъ—трахъ!...

Я чувствую, что меня бросило впередъ.

Чувствую, что я очутился въ водѣ, барахтаюсь въ ней и хватаюсь руками за край листа кувшинки, о который при паденіи я ударился лбомъ. Край листа немного подогнулся, я насѣлъ на него брюхомъ и счастливо вылѣзъ наверхъ.

Отряхнувшись, я тотчасъ же взглянулъ на воду, чтобы отыскать свою водомѣрку, но ея и слѣдъ простылъ. Еще полминуты назадъ мы спокойно двигались по водѣ. А теперь ни здѣсь, ни вблизи, ни вдали никакой водомѣрки не было. Точно ея никогда не бывало!

Тутъ только я сообразилъ, что съ нею случилось, и какой страшной опасности я подвергался. Чудовище, морда котораго мелькнула передо мной, очевидно, схватило ее и либо проглотило разомъ, либо утащило на дно позавтракать ею не спѣша. Если бы оно сдѣлало размахъ чуть посильнѣе, оно вмѣстѣ съ водомѣркой схватило бы за ноги и меня, и тогда отъ меня не осталось бы и косточекъ и никто бы никогда не узналъ, что со мною стало.

А если бы чудовище схватило и одну водомѣрку, да минуткой раньше, когда мы были еще далеко отъ листа, мнѣ все равно пришелъ бы скорый конецъ. Я не могъ бы

тогда доплыть до листа. А въ водѣ, захлебнувшись, пошелъ бы ко дну вслѣдъ за водомѣркой и чудовищемъ, которое тамъ бы и подобрало мое тѣло.

Когда я сообразилъ, какъ близка была моя смерть, и какъ счастливо я избѣжалъ ея, я готовъ былъ плясать отъ радости. Теперь я опять на твердомъ и устойчивомъ листѣ. Притомъ же, о, счастье! этотъ листъ не одинокъ, а къ нему вплотную прилегаютъ еще четыре такихъ же листа. Такимъ образомъ я спокойно могу переходить съ листа на листъ и разгуливать по нимъ, какъ по полю.

Правда, за ними опять вода. Правда, до берега здѣсь еще втрое дальше, чѣмъ было раньше. Но что за бѣда! Пускай берегъ далеко, лишь бы сейчасъ мнѣ было безопасно и лишь бы никакое чудовище не разѣвало на меня свою пасть.

Да, пріятно было чувствовать, что я спасенъ, невредимъ и нахожусь въ полной безопасности. Пріятно было думать, что еще двѣ минуты назадъ я могъ бы попасть въ лапы чудовища, но не попалъ. Пріятно было сознавать, что все это миновало, что я ни капли не пострадалъ и что весь мой страхъ бѣды уже прошелъ и не возвратится.

VII.

Послѣднее чудовище, и я летаю по поднебесью.

Велика была моя радость послѣ того, какъ я спасся отъ какого-то чудовища, но и она стала проходить. А вмѣсто нея меня стало мучить любопытство, что́ это за звѣрь подводный, который неожиданно унесъ водомѣрку въ пучину, а вмѣстѣ съ ней чуть не унесъ и меня.

Я легъ на листъ брюхомъ внизъ, а голову выставилъ за край листа какъ-разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ я вылѣзъ на него изъ воды послѣ своего крушенія, и сталъ смотрѣть въ воду. Глаза мои скоро привыкли къ полумраку и я сталъ кое-что различать въ сумрачной водѣ.

Но не прошло и полъ-минуты, какъ я съ ужасомъ отшатнулся отъ воды. Почти у самой поверхности ея, подъ водой, плавалъ ма-

ленькій молодой листикъ кувшинки, а на немъ сидѣло мое чудовище и доѣдало остатки водомѣрки, на которой я ѣхалъ. (Рис. 11). Тутъ же валялись всѣ шесть ногъ, голова ея и жесткія крылья, а остальное почти все было уже съѣдено.

Опять мнѣ стало ужасно жутко при мысли, что это чудовище могло бы и меня растерзать точно такъ же. Тогда и отъ меня остались бы на листѣ только ноги да голова. Но теперь звѣрь уже насытился. Онъ съ трудомъ доѣдалъ остатки своей добычи, и потому мнѣ не былъ страшенъ. Самый свирѣпый хищникъ неопасенъ, если онъ сытъ.

А звѣрь этотъ былъ гораздо больше и гораздо страшнѣе того, который обсасывалъ рыбу и который потомъ оказался личинкой жука-плавунца. Съ большими ногами и большой головой онъ, казалось, былъ еще болѣе грознымъ, чѣмъ крокодилъ.

Я никакъ не могъ припомнить, видалъ ли я его гдѣ-нибудь на картинкахъ. Мнѣ было страшно жутко глядѣть на него. И потому казалось, будто я не видывалъ никогда болѣе страшнаго и противнаго чудовища.

А онъ, наѣвшись, сталъ охорашиваться. То начнетъ лапками перебирать, то хвостикомъ повиливаетъ. И вдругъ, я вижу, изъ-

подъ шеи у него отдѣляется и откидывается какая-то странная маска съ двумя большими крючками. Откидывается, а потомъ опять укладывается подъ шею, словно какая-то фигурная крышка ящика на шарнирахъ.

Какъ только я увидалъ этотъ необыкновенный приборъ, для меня тотчасъ стало все ясно:

— Конечно, это—личинка стрекозы, сказалъ я себѣ. Только у нея одной есть такой «наметъ» или такая ловчая сѣть съ двумя баграми. Только она одна умѣетъ закидывать свою сѣть для ловли добычи. Ни у кого больше такого прибора нѣтъ. Кто хоть разъ прочиталъ объ этомъ гдѣ-нибудь, тотъ никогда уже этого не забудетъ.

Теперь для меня стало ясно, почему я уцѣлѣлъ. Когда этотъ звѣрь, увидавши снизу водомѣрку, закинулъ на нее свою маску съ баграми, они задѣли ее своими острыми крючками и поволокли внизъ. Задѣть меня они не могли, потому что я сидѣлъ на водомѣркѣ гораздо выше, и маска была коротка для этого.

Я хорошо разсмотрѣлъ теперь этотъ ловчій приборъ и нахожу, что ничего подобнаго нигдѣ во всемъ животномъ царствѣ я не встрѣчалъ. Слишкомъ ужъ онъ оригиналенъ и за-

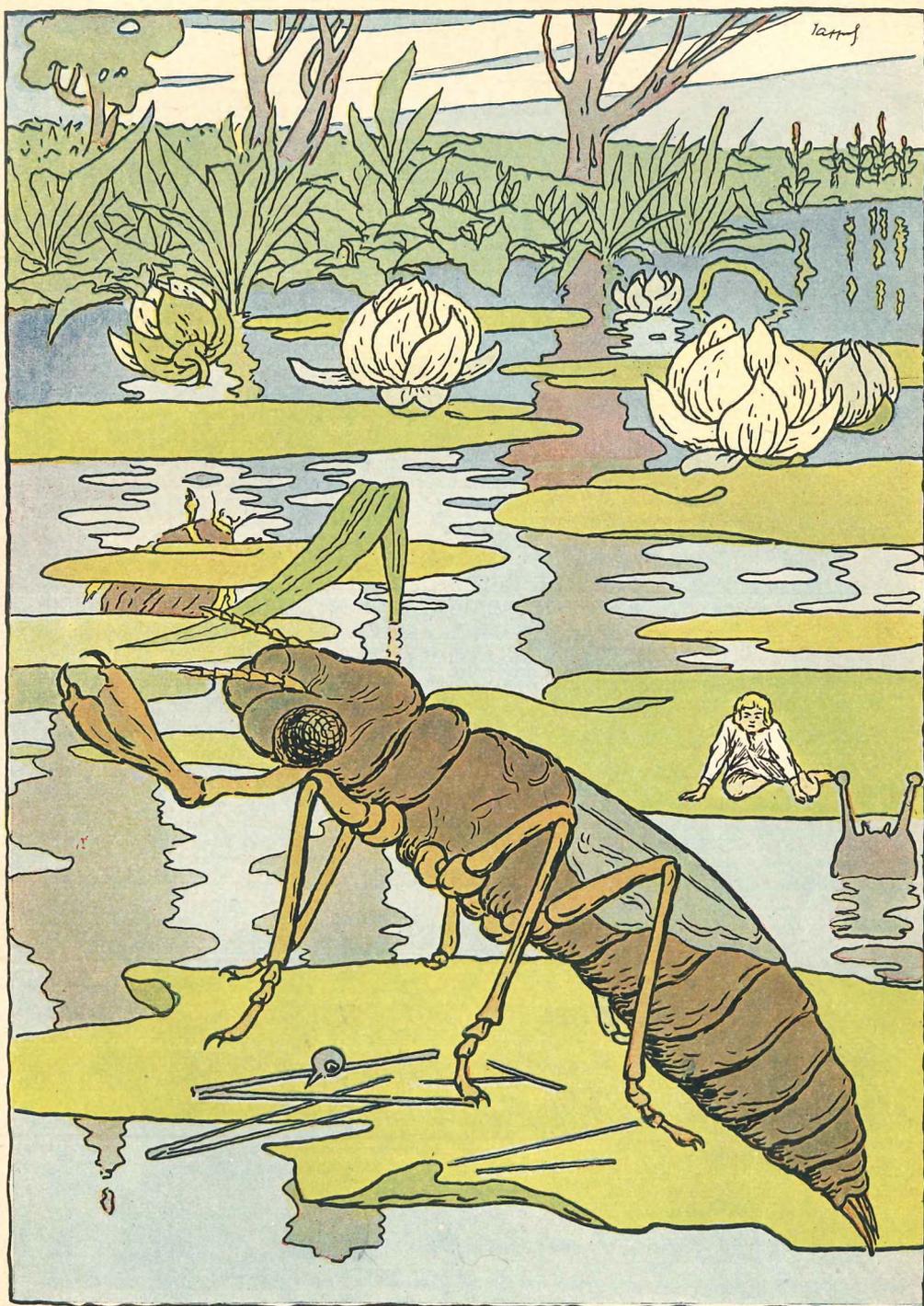

Рис. 11. На листъ сидѣло чудовище и дождадо остатки водомѣрки, на которой я ѣхалъ.

мысловать. Особенно забавно было видѣть его въ дѣйстви, когда этотъ хищный звѣрь, какъ будто играя, то закидывалъ свою сѣть для ловли, то опять подбиралъ ее.

Закидывать ему тутъ было не для чего, потому что не было никакой добычи. Очевидно, онъ дѣлалъ это только для пробы, чтобы убѣдиться, правильно ли дѣйствуетъ его приборъ. Такъ дѣлаетъ иногда кошка: лежитъ спокойно, а сама выпускаетъ свои острые когти и вонзаетъ ихъ въ подушку, а затѣмъ подбираетъ ихъ снова и дѣлаетъ совсѣмъ незамѣтными.

Должно быть, убѣдился этотъ хищникъ, что его ловчій приборъ дѣйствуетъ исправно. Поэтому онъ опять нырнулъ съ листа въ глубь и отправился на поиски за новой добычей. Такому огромному звѣрю одной жесткой водомѣрки мало для насыщенія.

Я остался опять одинъ. Обошелъ всѣ свои пять листьевъ кувшинки. Они стояли другъ за другомъ въ одинъ рядъ, и потому по нимъ можно было прогуливаться, какъ по широкой аллеѣ. Аллея была просторная, зеленая, гладкая, споткнуться на ней негдѣ и ходить босыми ногами такъ мягко и пріятно. А по обѣимъ сторонамъ аллеи—широкое непроходимое море. Если бы такую аллею

устроить нарочно для прогулокъ, всякій бы сказалъ: какъ здѣсь мило и красиво!

Только въ одномъ концѣ эту красоту портилъ длинный и узкій листъ тростника. Онъ былъ надломленъ вѣтромъ отъ стебля, который стоялъ въ водѣ поблизости, и потому длинной лентой свѣшивался какъ-разъ надъ послѣднимъ листомъ кувшинки и загораживалъ здѣсь дорогу для прогулокъ.

Такъ разгуливалъ я по своей пловучей аллеѣ очень долго. Никто и ничто меня не беспокоило. И я совсѣмъ забылъ, что весь прудъ населенъ различными водяными чудовищами. Нѣкоторыхъ я уже видѣлъ. И теперь хорошо знаю, съ какимъ удовольствіемъ они съѣли бы меня цѣликомъ, если бы только увидали меня здѣсь, одинокаго и беззащитнаго. Хорошо быть маленькимъ для того, чтобы изучать ихъ, но страшно опасно подходить къ нимъ близко, особенно когда они голодны.

Когда я размышлялъ такимъ образомъ, гуляя по своей аллеѣ, вдругъ я слышу надъ моей головой страшный шумъ и какой-то странный скрипъ отъ трепыханія крыльевъ, словно цѣлая стая птицъ хочетъ обрушиться на меня.

Я весь похолодѣлъ отъ ужаса, и мнѣ тотчасъ же вспомнились разныя страшныя

сказки о летающихъ кровожадныхъ драконахъ. Отъ страха я зажмурился и думалъ, что ужъ теперь, навѣрное, пришелъ мой конецъ.

Но такъ же внезапно все опять стихло. И я, хоть съ закрытыми глазами, но чувствую, что остаюсь живъ и невредимъ.

Открылъ глаза я спокойно; думалъ, что теперь мнѣ не угрожаетъ никакая опасность, и... отъ страху остолбенѣлъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня на узкой лентѣ тростника усѣлся огромнѣйшій драконъ и большущимъ лѣвымъ глазомъ смотритъ на меня, не поворачивая головы. Его огромныя четыре крыла были распростерты поперекъ его тѣла и слегка покачивались. Они оба были прозрачны, какъ стекло и только перекрещивались вдоль и поперекъ жилками, толстыми, какъ веревки. Издали каждое крыло напоминало остовъ крыла вѣтряной мельницы, или крыла на модели летательной машины.

Прикрѣплялись всѣ четыре крыла къ толстой и сильной груди. Къ ней же были прикрѣплены шесть большихъ ногъ съ крючковатыми лапами, которыя своимъ видомъ напоминали ноги сказочнаго дракона, какъ его рисуютъ на картинкахъ. Маленькая голова соединялась съ грудью очень тонкой

шей. Но на этой маленькой головѣ по обѣ стороны ея прилѣплены были два огромныхъ глаза, которые были вдвое больше самой головы. Отъ груди начиналось длинное и прямое туловище, вдоль котораго могли бы лечь пять такихъ человекъ, какъ я.

Оба глаза, и пестрое туловище, и четыре крыла отливали слегка различными цвѣтами радуги. Въ этомъ была какая-то особая, зловѣщая красота. Вѣдь и ядовитыя змѣи на солнцѣ блестятъ радужными цвѣтами.

Я стоялъ передъ этимъ дракономъ какъ зачарованный. И жутко было, и страшно, и красиво, и огромно. Если бы такого летучаго звѣря приручить, какъ лошадь, какое счастье было бы людямъ! Можно на него и верхомъ сѣсть, можно къ нему и корзину подвязать. Сѣлъ такимъ образомъ, а онъ взмахнетъ своими огромными крыльями, и лети, милый другъ, по поднебесью! Какое раздолье! И какое неизвѣданное наслажденіе!

Между тѣмъ, мой драконъ все время оставался неподвижнымъ. Сидитъ, слегка колышетъ крыльями и не двигается.

Его спокойный и мирный видъ успокоилъ и мой страхъ. Я присмотрѣлся къ нему хорошо, и во мнѣ заговорилъ мой прежній задоръ и отвага:

— А что, и въ самомъ дѣлѣ, не попробовать ли приручить этого летуна къ ѣздѣ по воздуху? Я маленькій и легкій. Держаться на немъ хорошо и удобно. Въ облака онъ меня не сможетъ унести, а въ воду онъ самъ боится сѣсть. Въ этотъ моментъ мнѣ страшно захотѣлось летать по воздуху. Я только объ этомъ и думалъ и совсѣмъ забылъ о берегѣ, на который мнѣ необходимо выбраться во что бы то ни стало.

Такая ужъ у меня натура: что я рѣшилъ, то мнѣ хочется сдѣлать сейчасъ же.

И вотъ я, не медля ни минуты, зашелъ сзади дракона, ступая по плоской лентѣ тростниковаго листа, занесъ ногу, взмахнулъ и сѣлъ верхомъ посреди спины, неподалеку отъ груди. И сразу почувствовалъ, что сидѣть на этой спинѣ, округлой и не жесткой, было удобно и покойно.

Должно быть, мой пегасъ былъ очень неповоротливъ. Прошло нѣсколько секундъ прежде, чѣмъ онъ почувствовалъ, что на него кто-то сѣлъ. Но какъ только онъ почувствовалъ это, взмахнулъ сразу всѣми четырьмя крыльями и плавно взвился надъ прудомъ.

Очевидно, онъ былъ очень силенъ, или я очень малъ. Летѣлъ онъ легко и свободно, какъ будто на немъ не было никакого всад-

ника. Полетъ у него былъ слегка ныряющій, то замедленный, то быстрый, какъ будто скачками, но плавный и спокойный. Безпокоило немножко только скрипѣніе крыльевъ, потому что изрѣдка одно крыло задѣвало за другое.

Сначала, какъ только мы поднялись надъ прудомъ, мнѣ стало очень страшно, и я плотно охватилъ спину дракона и руками и ногами. Но это продолжалось очень короткое время. Сидѣть было такъ хорошо, а полетъ былъ такой ровный, что я тотчасъ отогналъ всякіе страхи. Было только немножко жутко, но и какъ-то сладко. Немного кружилась голова и чуть-чуть замирало сердце. Хотѣлось смѣяться, а на глазахъ выступали радостныя слезы.

Наконецъ-то я свободно плаваю по воздуху! (Рис. 12). Наконецъ-то я сумѣлъ подняться надъ землей, къ которой всѣ мы словно цѣпями прикованы. Наконецъ-то я взлетѣлъ въ высь и могу оттуда любоваться всѣмъ, что разстилается у меня подъ ногами.

А подъ ногами теперь у меня разстлались всѣ наши окрестности. Въ двѣ минуты драконъ вылетѣлъ изъ пруда, окруженнаго тополями, поднялся надъ самымъ высокимъ деревомъ и полетѣлъ прямо. Подъ нами мелькнулъ прудъ, словно зеркало въ зеленой рамѣ, мельк-

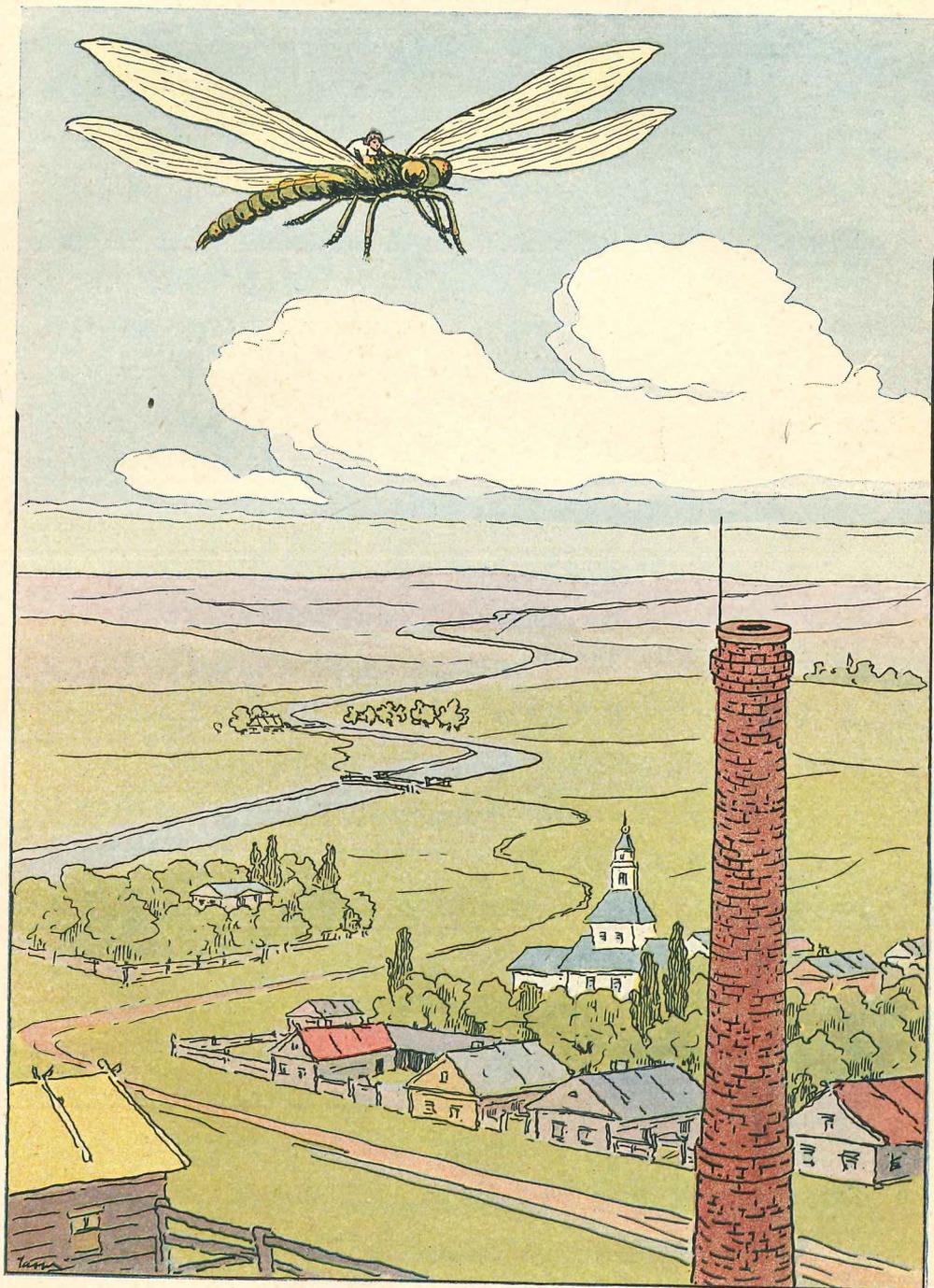

Рис. 12. Наконец-то я свободно плаваю по воздуху.

нули верхушки деревьевъ, за ними развернулся какъ на ладони весь нашъ садъ, съ краю его мелькнулъ нашъ домъ, но возлѣ него я никого не успѣлъ замѣтить. Вдали широко раскинулось село, а вдоль него большой блестящей лентой извивалась наша многоводная рѣка. Но выше всѣхъ среди этой картины торчала труба большого кирпичнаго завода. Закопѣлая вершина ея сегодня не дымилась обычнымъ чернымъ облакомъ и казалась еще болѣе мрачной и злобщей.

И эта мрачная каланча темѣла на фонѣ яркаго солнечнаго неба какъ огромный голый стволъ гигантскаго дерева. Очевидно, она привлекала къ себѣ моего крылатаго коня, потому что тотъ направился прямехонько къ ней. Приближаясь къ трубѣ, онъ сталъ подниматься выше и выше, поднялся выше ея вершины, а затѣмъ немного спустился внизъ и сѣлъ какъ-разъ на самую верхушку ея.

Верхушка, которая издали и снизу казалась такой маленькой, здѣсь вблизи, оказалась настоящей широкой башней. По верхней площадкѣ ея можно было бѣгать и играть безъ всякаго затрудненія. Понятно, что на гладкую вершину ея мой драконъ сѣлъ какъ на широкій помостъ и совсѣмъ не замѣтилъ окружающей копоти.

Какъ только кончился нашъ полетъ, и я почувствовалъ подъ ногами твердую опору, я подумалъ было, что мы очутились на землѣ, гдѣ ни вода, ни вѣтеръ не страшны намъ. Но это было только на одинъ мигъ. Я оглянулся кругомъ и понялъ, что нахожусь на огромной высотѣ и притомъ въ самомъ опасномъ положеніи. Здѣсь было гораздо опаснѣе, чѣмъ на водѣ на глазахъ у всѣхъ чудовищъ. Тамъ все-таки можно было какъ-нибудь увернуться отъ нихъ. А здѣсь? Что я буду дѣлать здѣсь, если подуетъ сильный вѣтеръ и мнѣ будетъ трудно удержаться за моего дракона? А можетъ быть онъ здѣсь умретъ отъ усталости послѣ такого тяжелаго подъема? А можетъ быть онъ летаетъ сюда ночевать, чтобы на такой высотѣ никто не потревожилъ его крѣпкаго сна? Что я буду дѣлать здѣсь ночью среди полной тьмы и въ ночномъ холодѣ? А вдругъ, изъ трубы полетятъ опять и искры, и копотъ, и вся она накалится отъ жара?

Такія мысли сильно тревожили меня. Но помочь себѣ здѣсь я ужъ никакъ не могъ ничѣмъ. Вся надежда была на дракона. Вывезетъ ли онъ меня изъ этой опасности, и куда именно вывезетъ?

А драконъ все сидѣлъ и сидѣлъ совершенно неподвижно. И только легкія покачиванія его

крыльевъ показывали, что онъ не спитъ и живъ по-прежнему. Что-то онъ думаетъ на такой высотѣ и куда намѣчаетъ свой новый полетъ? Озираться по окрестности ему не было нужды: его огромные глаза занимали почти всю голову и потому видѣли сразу и впередъ и назадъ, и вверхъ и внизъ, и въ обѣ стороны. Видѣлъ-ли онъ вдаль что-нибудь своими чудовищными глазами? И намѣчалъ-ли онъ себѣ отсюда мѣсто, куда теперь слѣдуетъ ему направить свой путь?

Меня онъ какъ будто не замѣчалъ вовсе. Кажалось, ему было все равно, сижу я на немъ, или нѣтъ.

Только мнѣ было не все равно. Я отлично понималъ, что въ немъ одномъ теперь все мое спасеніе, и потому держался за него какъ можно крѣпче. Я боялся, какъ бы онъ вдругъ не ускользнулъ изъ подъ меня неожиданнымъ и быстрымъ движеніемъ.

Но онъ продолжалъ сидѣть совершенно спокойно, а потому и мои тревоги постепенно улеглись. А успокоившись, сталъ и я осматривать окрестности. Конечно, мнѣ ни разу не приходилось бывать на такой трубѣ. И я никогда не видывалъ, какая прекрасная панорама открывалась съ нея во всѣ стороны. Лѣса, поля, деревни, изгибы большой рѣки,

овраги и холмы, все это широко разстиралось передъ нами и было видно, какъ на ладони, во всѣхъ подробностяхъ.

И пока я смотрѣлъ вдаль и любовался отдаленными видами, я чувствовалъ себя совершенно спокойно и не замѣчалъ, гдѣ я нахожусь. Но вотъ я опускалъ глаза внизъ, туда, гдѣ подъ нами виднѣлась полоса красной желѣзной крыши, и тамъ еще ниже далеко-далеко я видѣлъ настоящую землю, теперь недоступную для меня. Тогда у меня кружилась голова, и я готовъ былъ оборваться и упасть въ бездну.

Вблизи завода начиналось большое село и дома его съ высоты казались какими-то игрушечными, — слишкомъ они были малы. Съ краю вдали я различилъ и нашъ домъ. При видѣ его у меня сильно забилося сердце. А когда я увидалъ, что на крыльцо вышла женская фигура — очевидно, моя мама, — я забылъ все и изо всей силы закричалъ:

— Мама, мама!

Конечно, никто не могъ услыхать отсюда мой голосъ. Только мой драконъ, отъ крику ли, отъ моего ли движенія, взмахнулъ крыльями и опять полетѣлъ.

Опять началось наше воздушное путешествіе. Опять мы ныряемъ и плаваемъ въ

волнахъ тихаго и теплаго воздуха. Опять у меня сладко замираетъ сердце и я не знаю, чего мнѣ желать: желать ли, чтобъ меня скорѣе опустили на твердую землю, или желать, чтобы мы держались въ воздухѣ какъ можно дольше. На землю мнѣ хотѣлось, потому что на ней безопаснѣе. Но и летать хотѣлось, потому что это—такое наслажденіе, котораго не понять никому, кто самъ не леталъ.

Мы вылетѣли на поле, спустились ближе къ землѣ, долго неслись надъ рожью, потомъ надъ цвѣтущимъ лугомъ, который съ высоты казался мнѣ разноцвѣтнымъ ковромъ. Потомъ перелетѣли мы небольшой лѣсокъ, при чемъ чуть-чуть не зацѣпили за макушку самой высокой березы. Наконецъ, мой драконъ повернулъ опять къ селу и спустился къ самой водѣ рѣки. Надъ водой онъ летѣлъ такъ низко, что иногда задѣвалъ крыльями за воду. И опять мнѣ стало страшно. Оборваться съ дракона надъ лѣсомъ и падать тамъ съ десяти-саженной высоты казалось не такъ страшно, какъ оборваться прямо въ воду на срединѣ широкой и быстрой рѣки.

Но здѣсь ждало меня еще болѣе сильное испытаніе. Близъ села у насъ рѣка раздвоилась и на узкомъ протокѣ была построена во-

дяная мельница. Протокъ былъ перегороженъ высокой плотиною, сверху которой вода падала сильнымъ, шумнымъ и пѣнистымъ каскадомъ. Это былъ настоящій бурный водопадъ. Внизу подъ нимъ вода кружилась и бурлила и всегда была покрыта бѣлой, какъ молоко, пѣной. Прямо въ эту-то опасную пучину и понесъ меня мой драконъ, какъ будто онъ хотѣлъ утопить меня въ самомъ опасномъ мѣстѣ, гдѣ нѣтъ никакого спасенія.

Здѣсь онъ спустился къ одной подпоркѣ, которая подпирала плотину, и сѣлъ на нее какъ ни въ чемъ не бывало. Это было на срединѣ плотины, какъ разъ надъ самой пучиной и въ самомъ бурномъ мѣстѣ. Даже брызги воды долетали до меня и падали на насъ.

Но это бы еще не бѣда. А бѣда въ томъ, что сѣлъ онъ на эту подпорку внизъ брюхомъ, ногами уцѣпился вверху, а брюхо свѣсилъ внизъ. Я такъ и повисъ надъ пучиной и чтобы не оборваться съ дракона, долженъ былъ крѣпко обнять его тонкое брюхо руками и повиснуть на нихъ. Провисѣть такъ долго я не могъ. Руки затекуть, оборвутся, и я полечу уже не въ высь, а прямо въ пѣнистый водоворотъ. Вотъ тутъ-то напалъ на меня настоящій ужасъ, и я оцѣпенѣлъ отъ него.

На мое великое счастье драконъ не просидѣлъ въ такомъ положеніи и одной минуты. Должно быть ему самому было неловко или боязно. Онъ опять вспорхнулъ, выпрямилъ брюшко какъ слѣдуетъ, и полетѣлъ на берегъ. Летѣлъ онъ теперь гораздо медленнѣе, должно быть, очень усталъ. Было очевидно, что онъ долго не пролетаетъ. И для меня теперь весь интересъ былъ въ томъ, гдѣ онъ сядетъ. Теперь онъ уже не поднимался высоко, а перепархивая черезъ заборы, летѣлъ надъ огородами. Мнѣ показалось даже, что онъ направляется опять въ ту сторону, гдѣ былъ нашъ прудъ, откуда мы вылетѣли съ нимъ, и значитъ—къ нашему дому. Сердце мое радостно забилося.

Но какъ разъ въ этотъ моментъ съ моимъ дракономъ случилась исторія, которую понять я могъ только позднѣе. Я видѣлъ только, что онъ летѣлъ надъ грядками съ капустой. И вдругъ онъ какъ то весь вздрогнулъ, закачался, перекувырнулся и... и я чувствую, что я упалъ и гдѣ-то лежу на чемъ-то твердомъ, никуда уже больше не лечу, и никакого дракона подо мной совсѣмъ нѣтъ.

Я всталъ, оправился, ощупалъ бока, вижу, — цѣлы. Осмотрѣлся кругомъ, — стою твердо на большомъ капустномъ листѣ. А

невдалекѣ близь куста сирени, мой бѣдный драконъ безпомощно трепещется въ паутинѣ.

Тутъ я все понялъ и расхохотался.

Мой страшный драконъ, на которомъ я совершилъ такое прекрасное путешествіе, былъ ничто иное, какъ стрекоза. Усталая, она летѣла тихо и потому не могла съ размаху прорвать всю паутину. Часть ея она разорвала, и въ этотъ разрывъ провалился я и не запутался. А часть паутины спутала всѣ четыре крыла стрекозы и она теперь безпомощно барахталась въ сѣтяхъ.

Жалко мнѣ было очень мою избавительницу. Она перенесла меня на сушу и дала мнѣ, во время нашихъ полетовъ по поднебесью, такія сильныя наслажденія, какихъ мнѣ не придется испытать въ теченіе цѣлой жизни. И я съ радостью освободилъ бы ее изъ тень. Но паутина была очень высоко, и достать ее я ничѣмъ не могъ. А потому принужденъ былъ смотрѣть да ждать, не догадается ли сама стрекоза разорвать своими сильными лапами тѣ нити, которыя больше всего связываютъ ее.

УШ.

Парусныя лодки, изящныя яйца и противные черви.

Когда я осмотрѣлся кругомъ съ высоты своего капустнаго листа, я увидалъ, къ величайшему своему удовольствію, что нахожусь въ нашемъ собственномъ огородѣ, въ самомъ заднемъ концѣ его. Вдали виднѣлся нашъ домъ и сквозь кусты сирени я могъ различить окно моей собственной спальни, изъ котораго я сегодня вылетѣлъ, сидя на шмелѣ.

Если бы я не былъ такой маленькій, я могъ бы закричать, и мой голосъ долетѣлъ бы до мамы. А если бы я побѣжалъ самъ туда, то черезъ двѣ минуты могъ бы вбѣжать въ домъ и рассказать бы всѣмъ о своихъ сегодняшнихъ удивительныхъ приключеніяхъ. Но я былъ такъ малъ, что добраться до дому могъ только не ранѣе вечера. Дорога мнѣ была хорошо извѣстна, да и крыша дома отовсюду

видна. Поэтому я нисколько не боялся заблудиться. И былъ увѣренъ, что теперь я попаду домой и что никакая опасность мнѣ больше не угрожаетъ.

Отъ этой мысли мнѣ стало такъ весело, что я запрыгалъ на своемъ капустномъ листѣ. А напрыгавшись, я сталъ рѣшать, пуститься ли мнѣ сейчасъ въ путь, или заняться еще какими-нибудь новыми наблюденіями.

А для наблюденій здѣсь такъ же, какъ и вездѣ, было много всякихъ диковинокъ. Прежде всего, меня поразили какія-то лодки съ бѣлыми парусами, которыя плавали въ разныя стороны надъ капустой по воздуху. Странно было только видѣть, что плавали онѣ не только во всѣ стороны, но и вверхъ и внизъ, чего настоящія лодки никогда не дѣлаютъ. Издали я не могъ ихъ разсмотрѣть хорошенько. Но когда я сталъ соображать, что это за плавающія лодки, я скоро догадался, что это — просто капустныя бабочки. Никто вѣдь не летаетъ надъ капустой такъ часто, какъ онѣ.

Надъ моимъ листомъ одиноко склонялась головка краснаго клевера въ полномъ цвѣту. Его забыли своевременно выполоть съ грядки, и вотъ теперь онъ зацвѣлъ. Я хотѣлъ-было уже полакомиться сладкимъ сокомъ его цвѣтовъ, такъ какъ въ горлѣ у меня совсѣмъ

пересохло отъ многихъ волненій, и сталъ подходить къ нему. Какъ вдругъ на меня обрушился цѣлый бѣлый шатеръ. Я уже подумалъ, не попалъ ли я въ какую-нибудь полотняную палатку. Но увидалъ, что голубое небо еще видно, и что полотно отъ палатки трепыхается только съ одного края, какъ разъ надъ головкой клевера.

Но сейчасъ же такая мысль показалась мнѣ очень смѣшной, потому что я узналъ въ этомъ полотнѣ ту же капустную бабочку, которую я видѣлъ издали и принялъ за парусную лодку. Она спокойно усѣлась на клеверъ и, очевидно, такъ же точно собиралась полакомиться, какъ думалъ полакомиться и я самъ.

Я стоялъ рядомъ и могъ хорошо рассмотреть эту бабочку. Огромныя широкія крылья ея были покрыты красивыми мелкими продолговатыми чешуйками. Онѣ сплошь покрывали крыло и сверху и снизу, и подъ этими чешуйками жилки крыла едва были замѣтны. Раньше я никогда не могъ рассмотреть чешуекъ у бабочки. Теперь же я видѣлъ ихъ прекрасно своими маленькими глазами и любовался ихъ тонкимъ строеніемъ и нѣжнымъ видомъ.

Сколько есть на свѣтѣ разныхъ бабочекъ! И у всѣхъ ихъ крылья покрыты чешуйками.

И мы совсѣмъ не видимъ этихъ чешуекъ и не можемъ любоваться ихъ красотой. Сколько на свѣтѣ есть красоты, которая совершенно скрыта отъ нашихъ слабыхъ глазъ! Тогда для чего же она существуетъ на свѣтѣ?

Разсмотрѣлъ я теперь хорошо и хоботокъ бабочки. Онъ свернуть у нея кольцомъ въ нѣсколько оборотовъ, словно часовая пружина, и спрятанъ подъ шейю. Но какъ только она сѣла на клеверъ, она развернула это кольцо и хоботокъ оказался длинный-предлинный, гораздо длиннѣе, чѣмъ языкъ у шмеля. Этотъ хоботокъ она то запускала въ трубочку цвѣтка, то вынимала оттуда. Изъ одного цвѣтка она вынимала тотчасъ же, а въ другомъ держала очень долго и вынимала только спустя нѣкоторое время. Очевидно, въ одномъ цвѣткѣ было уже высосано раньше и ничего не оставалось, въ другомъ же былъ сладкій сокъ и его долго высасывала своимъ хоботкомъ моя бабочка. Этотъ хоботокъ былъ словно соломинка, въ которую и мы можемъ сосать вино либо воду. Гибкій, тонкій и длинный хоботокъ былъ очень удобенъ для всѣхъ большихъ и длинныхъ цвѣтовъ, у которыхъ сладкій сокъ скрытъ на большой глубинѣ внутри цвѣтка.

Насытившись, бабочка тотчасъ же порх-

нула ко мнѣ на листъ и сѣла неподвижно. Сидитъ, только усиками шевелитъ. А усики у ней длинныя, прямыя точно палки, оканчиваются набалдашникомъ и торчатъ кверху.

Вдругъ, я вижу, задній конецъ ея брюшка какъ-то опускается на самый листъ и словно прилипаетъ къ нему. Я сталъ слѣдить внимательно и, наконецъ, понялъ. Я увидалъ, что каждый разъ, какъ бабочка прикладываетъ брюшко къ листу, изъ конца его выходитъ длинное темное яичко съ желтымъ концомъ. Яичко это липкое и тотчасъ приклеивается къ листу капусты и къ сосѣднему яичку. Бабочка клала ихъ вплотную другъ къ другу и я насчиталъ, что она положила 23 яйца.

Я никогда ранѣе не видывалъ, какъ несутъ яйца. И потому съ удвоеннымъ интересомъ слѣдилъ за этимъ дѣломъ. Бабочка сидѣла спокойно, а время отъ времени, въ разные сроки, изъ отверстія въ заднемъ концѣ ея брюшка показывался круглый продолговатый предметъ, похожій на ружейный патронъ, медленно выползалъ оттуда и медленно укладывался на свое мѣсто, какъ разъ вплотную къ прежнимъ яйцамъ, ни чуть не дальше, ни чуть не ближе. Слово бабочка измѣряетъ разстояніе какимъ-то приборомъ и точно знаетъ мѣсто, куда нужно положить

слѣдующее яйцо. Долго продолжалась у бабочки эта диковинная ея работа. (Рис. 14).

Отложивши всѣ 23 яйца, бабочка порхнула и, покачиваясь на своихъ тяжелыхъ чешуйчатыхъ крыльяхъ, полетѣла дальше. Когда она исчезла, я увидаль, что всѣ яйца

Рис. 14. Капустныя бабочки.

уложены въ одну тѣсную кучку. И всѣ, какъ одно, торчали кверху своими желтыми концами. Вся же кучка была похожа на маленькій сотъ. Она была такъ изящна, что я залюбовался ею.

Налюбовавшись, я увидаль въ концѣ

того же листа, на которомъ я сидѣлъ, еще такую же точно кучку. Очевидно, она была положена здѣсь другой бабочкой раньше. Я подошелъ къ ней поближе, чтобы увидать, похожи ли тѣ яйца на новыя, которыя клались при мнѣ, и ахнулъ отъ удивленія.

Изъ двухъ яичекъ сразу торчали черныя головки червячка, и оба червячка шевелились внутри яйца, а потомъ стали медленно выползать изъ него. Нѣсколько крайнихъ яицъ были уже пусты. Оставалась отъ нихъ одна оболочка, а червячки уже вышли и уползли.

Когда я взглянулъ на самый край листа, я увидалъ, что эти червячки уже сидѣли тамъ и ѣли. Они были такъ мелки, что я не могъ рассмотреть, какъ они ѣдятъ. И только кусокъ съѣденнаго листа показывалъ, что они уже начали истреблять капусту.

Всѣ мы въ деревнѣ знали, какое опустошеніе наносятъ эти червяки капустнымъ грядкамъ. И всѣ также знали ихъ пеструю съ желтымъ длинную мясистую фигуру. Но я никогда не видывалъ, какъ они рождаются изъ яицъ, снесенныхъ капустной бабочкой. И мнѣ никогда раньше не приходило въ голову, что если передавить всѣ яйца, то не будетъ ни одного червячка и вся капуста будетъ цѣла.

Теперь мнѣ хотѣлось только рассмотреть

хорошенько взрослыхъ червей и посмотрѣть, какъ это они ѣдятъ капусту.

Искать здѣсь капустныхъ червей долго не пришлось. Я увидалъ, что сосѣдній моему листъ капусты былъ сильно обгрызенъ. Хотя самихъ червей мнѣ было не видно, но я догадывался, что они есть на томъ листѣ, который изъѣденъ.

Я спустился внизъ, перебрался тамъ на сосѣдній листъ, влѣзъ на него, и когда вышелъ на самую верхушку, то увидалъ по краямъ листа трехъ большихъ гусеницъ. Онѣ сидѣли на изъѣденныхъ листахъ и непрерывно ѣли.

Я подошелъ поближе къ одной изъ нихъ, самой большой по росту, и сталъ наблюдать. У нея было впереди три пары ногъ на груди, и четыре пары сзади, на брюшкѣ. Помѣщалась она какъ-разъ на ребрѣ листа, охвативши этотъ листъ всѣми четырнадцатью лапами. Выходило, что она сидѣла на ребрѣ листа верхомъ, точно на хребтѣ лошади, и такъ крѣпко держалась за листъ всѣми лапами, что оторвать ее отъ листа было очень трудно. Я попробовалъ-было оторвать ее и сильно толкалъ въ одинъ бокъ обѣими руками. Но сдвинуть ее съ мѣста мнѣ не удалось ни чуть.

На головѣ у нея былъ жесткій, точно ко-

сточка, щитокъ, два маленькихъ глаза и довольно большой ротъ, который она постоянно набивала зеленью. Двѣ сильныхъ зубчатыхъ челюсти непрерывно работали, — отрывали свѣжіе куски листа и жевали. Только жевали онѣ не сверху внизъ, а сбоку вбокъ, какъ у кузнечика и какъ вообще у всѣхъ насѣкомыхъ. Ротъ былъ постоянно наполненъ зеленью. Было похоже, какъ будто я смотрю на корову, которая пасется на сочномъ травянистомъ лугу и съ голоду поминутно набиваетъ себѣ травой полный ротъ.

Я стоялъ возлѣ гусеницы больше получаса. Она ѣла все это время не переставая, и я не могу сказать, перестаетъ ли она ѣсть когда-нибудь, или съ утра до вечера только и дѣлаетъ, что ѣсть. За это время она выгрызла уже большой участокъ листа. И я спрашивалъ себя: при такой прожорливости не съѣдятъ ли эти три гусеницы цѣлаго капустнаго листа? Вѣдь растутъ онѣ не одинъ день, а нѣсколько и, значитъ, ѣдятъ непрерывно нѣсколько дней подрядъ.

Очевидно, что если изъ 23 яицъ, отложенныхъ бабочкой, выйдетъ 23 гусеницы, то онѣ за свою непродолжительную жизнь съѣдятъ цѣликомъ кочанъ капусты. А если изъ этихъ 23 гусеницъ выйдутъ новыя 23 бабочки

и каждая изъ нихъ отложить опять по 23 яйца, то вышедшія вновь гусеницы съѣдятъ цѣликомъ уже 23 кочна капусты. Это ясно всякому ребенку. И потому понятно, какъ губельны для людей были бы бабочки капустницы, если бы ихъ никто не истреблялъ.

У меня не хватило терпѣнья ждать долѣе, когда моя гусеница кончитъ ѣсть и сдѣлаетъ хоть маленькій отдыхъ. И я пересталъ наблюдать за ней. На этотъ листъ, на которомъ я теперь стоялъ, спускалась вѣтка сирени. Можетъ быть, вѣтеръ пригнулъ ее сюда, а можетъ быть она была сломана. Я сталъ искать, не сломана ли она гдѣ-нибудь. И вдругъ замѣтилъ, что на ея стеблѣ, подъ однимъ листомъ, уцѣпившись всѣми лапами, спокойно сидитъ такая же гусеница капустница, самая толстая изъ всѣхъ, какихъ я видѣлъ.

Меня заинтересовало, зачѣмъ она сидитъ на сирени, которой ѣсть она не можетъ, и я сталъ слѣдить за ней. Вдругъ я вижу, она какъ-то странно начинаетъ ѣжиться, на головѣ и на спинѣ у нея лопаются шкурка и изъ нея вылѣзаетъ новая гусеница. Очевидно, гусеница линяетъ, подумалъ я, такъ какъ уже видывалъ эту линьку сегодня. Но новая гусеница, какъ только выползла изъ старой шкурки, полѣзла еще выше, зацѣпилась тамъ

подъ листомъ задней частью и слегка повисла на толстой и короткой паутинной нити. Тутъ ужъ я не замѣтилъ, какъ это случилось. Только тонкая и нѣжная кожа гусеницы начала измѣняться, тѣло стало сокращаться и утолщаться, приняло бочковидную форму, нѣжная пленочка вокругъ него стала отливать матовымъ золотистымъ блескомъ, и у меня на глазахъ произошло настоящее превращеніе гусеницы въ куколку.

Такую золотистую куколку, подвѣшенную на нити въ разныхъ укромныхъ уголкахъ, я видалъ и раньше. Только не зналъ, кому она принадлежитъ и что изъ нея выйдетъ. А вотъ теперь мнѣ выпало счастье видѣть собственными глазами и самое превращеніе.

Я читывалъ, что для бабочки это — самое обыкновенное дѣло. И каждая бабочка неизбежно переживаетъ разъ въ своей жизни это превращеніе. А все-таки оно кажется мнѣ какимъ-то чудеснымъ явленіемъ. И я совсѣмъ не могу понять, какимъ образомъ невзрачный и часто противный червячекъ превращается въ затѣйливую, иногда очень изящную куколку.

А эта куколка повиситъ-повиситъ неподвижно нѣсколько недѣль, и вдругъ, въ одно прекрасное мгновеніе оболочка ея лопається

и изъ нея спокойно вылѣзаетъ на свѣтъ совершенно новое созданіе. Это созданіе—крылатая, иногда очень красивая бабочка, которая совершенно непохожа на ползавшаго противнаго и прожорливаго червяка.

IX.

Я направляюсь къ дому. Не то бомба, не то черепаха.

Когда я смотрѣлъ, съ какимъ аппетитомъ гусеница пожираетъ капусту, у меня проснулся сильный голодъ. Я вспомнилъ, что сегодня у меня ни крошки не было во рту и мнѣ страшно захотѣлось ѣсть. Нужно было поспѣшить для этого домой. Но какъ я поспѣшу? Сколько-то времени понадобится теперь мнѣ, чтобы дойти туда своими крошечными ногами? Итти среди зарослей капусты было очень трудно. А потому я постарался сначала выбраться на ровную садовую дорожку, которая проходила вблизи капустника за кустами сирени.

Не легко мнѣ было это сдѣлать. Но выбравшись на эту дорожку, усыпанную пескомъ, я пустился бѣжать къ дому со всѣхъ ногъ. Но какъ я ни старался ускорить свой

бѣгъ, я ушелъ очень недалеко. Бѣжалъ я безъ отдыха минутъ десять, весь покрылся потомъ, а пробѣжалъ едва-ли пять аршинъ пути. Ноги мои тонули въ песокъ, я задѣвалъ за болѣе крупныя песчинки, спотыкался на нихъ, часто обрывался и падалъ. А потому подвигался такъ медленно, точно топтался на одномъ мѣстѣ, а не спѣшилъ изо всѣхъ силъ.

Такъ ли я, бывало, бѣгалъ, когда былъ большой! Да, скверно быть маленькимъ и передвигаться только на собственныхъ ногахъ! Какъ бы хорошо было полетѣть опять на стрекозѣ, либо на шмель! Только бы научиться надѣвать на нихъ узду и направлять ихъ путь туда, куда намъ надо.

Я перевелъ духъ и пошелъ далѣе медленными шагами. Но зато слѣдующіе пять аршинъ я шелъ вдвое дольше.

Такъ шелъ я нѣсколько часовъ до конца дорожки, то отдыхая, то озираясь по сторонамъ. Одна мысль только пугала меня больше всего: что, если по этой дорожкѣ пойдетъ кто-нибудь изъ взрослыхъ людей и я не успѣю во время свернуть въ сторону? Наступитъ онъ тогда на меня своимъ огромнымъ сапогомъ, и конецъ! Леталъ по поднебесью и нигдѣ не пострадалъ, а тутъ меня раздавятъ среди чистой дорожки въ двухъ шагахъ отъ

самаго дома! Къ моему счастью, никто здѣсь не проходилъ, и я помаленьку достигъ конца сада безъ всякихъ приключеній.

Здѣсь мнѣ было ближе пролѣзть прямо черезъ заборъ и выйти на открытый дворъ. Это я сдѣлалъ очень легко, потому что всѣ щели забора были для меня все равно, что широкія ворота.

Но едва только я вылѣзъ на широкій просторъ нашего двора, какъ меня встрѣтилъ неожиданный сюрпризъ. Мимо меня пролетѣла со страшнымъ жужжаньемъ огромная бомба. Летѣла она такъ близко отъ меня, что я почувствовалъ на лбу вѣяніе воздуха отъ ея полета. Невольно я присѣлъ отъ страха и долго не могъ понять, что бы это значило.

Бомба прожужжала мимо и ударилась гдѣ-то въ землю влѣво отъ меня. Я пошелъ въ этомъ направленіи разыскивать ее и попалъ въ узкую и глубокую колею, которая образовалась отъ колеса телѣги, проѣхавшей здѣсь одинъ разъ. Путь по этой колеѣ былъ гладкій и потому я пошелъ по ней, какъ по широкому жолобу. Но вдругъ, въ самомъ глубокомъ мѣстѣ ея, словно въ ущельѣ, я вижу, дорога моя заграждена и во всю ширину ея копошится какое-то страшное черное чудище. Общій видъ его походилъ на огромную слоно-

вую черепаху, какую я видывалъ на рисунокѣ. Черный и блестящій корпусъ этой черепахи, овальный, словно опрокинутый котелъ, отливалъ стальнымъ блескомъ, а изъ-подъ него торчали шесть большихъ, шиповатыхъ ногъ. Голова была украшена двумя толстыми усами, на концахъ которыхъ, въ родѣ султана, укрѣплено было по одной огромной гребенкѣ. Чудовище копошилось на днѣ ущелья, изъ котораго ему хотѣлось выбраться, но никакъ не удавалось. Оно было очень неуклюже и очень неповоротливо въ своей толстой и блестящей бронѣ.

Я остановился, потому что проходъ мнѣ былъ загороженъ, и невольно сталъ наблюдать. Чудовище хотѣло вылѣзть наверхъ, цѣплялось за отвѣсныя стѣнки ущелья, поднималось на нѣкоторую высоту и затѣмъ обрывалось на дно. На лапахъ у него были огромные, острые, крючковатые когти, но они, должно быть, не выдерживали тяжести массивнаго корпуса и срывались.

Но чудовище упорно лѣзло на стѣну вновь и вновь обрывалось. Наконецъ, въ третій разъ оно оборвалось снова, но упало такъ неудачно, что перевернулось вверхъ брюхомъ. А перевернувшись, оно долго и безпомощно барахталось всѣми шестью лапами.

Рис. 15. Я подползъ подь его гладкій бокъ, уперся ногами въ землю и выпрямился.

Дно ущелья было очень гладкое. Спина чудовища тоже глянцевитая. И вотъ оно лежитъ, скользитъ и вертится, болтаетъ ногами, но перевернуться опять на брюхо и стать на ноги никакъ не можетъ. Огромный, страшный звѣрь, но такой неуклюжій и безпомощный, какъ ребенокъ.

Отъ напрасныхъ усилій перевернуться и стать на ноги онъ скоро утомился, ослабѣлъ и даже пересталъ шевелить лапами. Тогда я подошелъ къ нему вплотную, наклонился, подлѣзъ подъ его гладкій бокъ, уперся ногами въ землю и выпрямился. (Рис. 15) Такимъ образомъ я подковырнулъ его и опрокинулъ на другой бокъ. А далѣе ужъ онъ самъ уцѣпился ногами за землю и окончательно перевернулся.

А ставши на ноги, онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, пошелъ впередъ по узкой колеѣ, а я за нимъ. Навѣрное, онъ совсѣмъ не понималъ, какую услугу оказалъ я ему. Скоро намъ пересѣкла дорогу широкая и горбатая доска. Мы взошли на нее и, сначала онъ, потомъ я, вышли изъ ущелья на открытое мѣсто.

Здѣсь мой спутникъ оглядѣлся, какъ будто отыскивая дорогу, и затѣмъ торопливо направился прямо къ забору. Мнѣ захотѣлось посмотрѣть, гдѣ онъ живетъ, и я послѣдо-

валъ за нимъ. Здѣсь онъ дошелъ до какой-то кучи, началъ поспѣшно рыться въ ней, закопался въ нее весь и скоро совсѣмъ скрылся внутри ея.

Сначала я думалъ, что это его гнѣздо, но когда присмотрѣлся ближе, то увидалъ, что это просто куча подсохшаго коровьяго помета. Послѣдовать за моимъ звѣремъ въ такое жилище я не рѣшился, а когда отошелъ отъ него на нѣсколько шаговъ, то неожиданно увидалъ другую такую же слоновую черепаху. Но эта была занята дѣломъ, и дѣло ея сначала показалось мнѣ необыкновенно забавнымъ: она катала по землѣ крупный шарикъ темнозеленаго цвѣта. Сначала я думалъ, что она просто забавляется. Но она дѣлала это такъ старательно и съ такимъ серьезнымъ видомъ, что я началъ думать иначе. Когда я присмотрѣлся ближе къ ея шарикѣ, то увидалъ, что онъ цѣликомъ состоитъ изъ того же самаго помета, мимо котораго я только-что прошелъ.

И тутъ я сразу все понялъ:

— Да это просто навозные жуки! Одинъ залѣзъ въ цѣлую кучу, потому что любитъ копаться въ ней. А другой катаетъ шарикъ изъ навоза и, навѣрное, закатываетъ въ него только что снесенныя свои яйца.

Скоро онъ, очевидно, кончилъ свою работу, прикатилъ шарикъ почти къ самому забору и бросилъ его здѣсь въ одномъ небольшомъ углубленіи. А самъ вернулся назадъ, отправился къ той же кучѣ помета и закопался въ нее. Я же подошелъ къ шарикѣ, выкатилъ его палочкой на ровное мѣсто и острымъ концомъ палочки сталъ раскатывать его. Какъ разъ въ самой срединѣ шарика я нашелъ два бѣлыхъ овальныхъ яичка довольно крупнаго размѣра. Одно я раздавилъ и нашелъ, что оно состоитъ изъ такой же оболочки и такой же жидкой массы, какъ и яйцо кузнечика. А другое я опять закаталъ въ шарикъ, положилъ на то же мѣсто и рѣшилъ прійти сюда черезъ нѣсколько дней, чтобы узнать, что изъ него выйдетъ.

Х.

Я дома и все объясняется.

Теперь я поспѣшилъ прямо домой, потому что голодъ мучилъ меня больше и больше, и я едва держался на ногахъ отъ усталости. Но подходя къ крыльцу, я сообразилъ, что попасть въ домъ мнѣ теперь не такъ-то легко. Я видѣлъ, что окно моей комнаты было отворено. И хотя оно было на два аршина отъ земли, но влѣзть въ него я никакъ не могъ. Подняться на крыльцо я былъ также не въ силахъ, потому что крыльцо было сдѣлано совсѣмъ не для моего роста. И даже влѣзть на одну первую ступеньку мнѣ теперь было такъ же трудно, какъ прежде было влѣзть на крышу дома.

И я не знаю, какъ бы мнѣ удалось выйти изъ моего затрудненія, если бы мнѣ не помогъ и здѣсь счастливый случай.

У самага крыльца лежалъ и грѣлся на

солнцѣ нашѣ котѣ Васька. Ну, думаю, если я ѣздилъ сегодня на стрекозѣ и на шмелѣ, то на Васькѣ-то будетъ спокойнѣе всего. Вѣдь не занесетъ же онъ меня на крышу!

Не медля ни минуты, я влѣзъ къ нему на бокъ. Онъ почувствовалъ, вѣроятно, что на него лѣзетъ что-то въ родѣ жука и передернулъ всей шкуркой. Я же еще крѣпче вцѣпился ему въ шерсть. Очевидно, это ему не понравилось, онъ вскочилъ на ноги и попробовалъ стряхнуть меня. Но я вовсе не хотѣлъ этого, а потому передвинулся на самый хребетъ и вцѣпился тамъ еще крѣпче. Это чуть не взбѣсило кота: онъ забавно подпрыгнулъ на мѣстѣ нѣсколько разъ, затѣмъ вскочилъ на стѣну, и не успѣлъ я глазомъ моргнуть, какъ Васька былъ уже въ окнѣ моей комнаты. Оттуда онъ въ два прыжка очутился на моей кровати, гдѣ часто спалъ со мной, и здѣсь началъ кататься на постели кувыркомъ.

Конечно, онъ могъ придавить меня своимъ тѣломъ. Но теперь мнѣ было это совсѣмъ не страшно. На своей постели я чувствовалъ себя какъ дома, и потому въ тотъ же мигъ спрыгнулъ съ кота, вбѣжалъ на подушку и легъ на нее. Васька, освободившись отъ меня, тоже успокоился и улегся въ кровати какъ ни въ чемъ не бывало.

Я замѣтилъ, что моя кровать оставалась неубранной въ томъ же самомъ видѣ, въ какомъ я покинулъ ее сегодня утромъ. Въ домѣ было тихо. Но прислушавшись, я сталъ различать голоса въ сосѣдней комнатѣ. Изъ нихъ я понималъ, что меня искали по всему дому, въ саду и въ огородѣ, спрашивали всѣхъ встрѣчныхъ, не видалъ ли кто меня. И, наконецъ, не найдя меня нигдѣ, всѣ были въ отчаяніи и съ горя потеряли голову. Мать горько плакала, а отецъ сквозь слезы утѣшалъ ее. Мнѣ стало очень горько при мысли, что я надѣлалъ столько тревогъ и я закричалъ во всю мочь:

— Мама, мама! Я здѣсь!

Кричалъ я такъ громко, что отъ крика проснулся.

Проснулся, и вижу, что я, какъ всегда, лежу въ своей кровати, укрывшись одѣяломъ, котъ Васька, дѣйствительно, лежитъ у моихъ ногъ, свернувшись калачикомъ. Окно, какъ всегда, было закрыто и въ него свѣтитъ яркое утреннее солнце.

Я оцупалъ себя и нашелъ всѣ члены такими же, какъ всегда. Голова моя покоилась на подушкѣ, и ростъ мой былъ прежній, т.-е. около полутора аршинъ.

Значить, все это былъ только сонъ!

Значить, никуда я не выходилъ изъ ко-

мнаты, маленькимъ не былъ я и ни на комъ не леталъ.

Очухавшись хорошенько, я вскочилъ съ кровати и со всѣхъ ногъ побѣжалъ къ мамѣ.

— Мама, слушай-ка,—закричалъ я,—какіе я видѣлъ чудесные сны!

Она уже встала и приготавливала утренній чай.

— Ну, говорить, я слушаю. Рассказывай.

И я началъ рассказывать съ самаго начала все, что здѣсь описано. Мама сначала слушала невнимательно, а потомъ стала слушать все съ бѣльшимъ и бѣльшимъ интересомъ, и, наконецъ, перебила меня на полсловѣ и говорить:

— Костя, да вѣдь все это просто прелесть! Вѣдь все это про насѣкомыхъ, дѣйствительно, такъ и есть! Откуда ты такъ хорошо запомнилъ всѣ эти подробности?

Она забыла, что сама еще въ прошломъ году не разъ передавала мнѣ много рассказовъ о насѣкомыхъ, а я жадно слушалъ ихъ всегда, затаивши дыханіе.

Теперь мой рассказъ показался ей такимъ хорошимъ, что она въ тотъ же день вечеромъ усадила меня за письмо и велѣла все это изложить на бумагѣ.

Много вечеровъ понадобилось мнѣ, чтобы описать все и ничего не пропустить. Но, на-

конецъ, я кончилъ свой разсказъ. И вотъ онъ тутъ весь цѣликомъ передъ вами! Я буду страшно радъ, если онъ и вамъ покажется такимъ же интереснымъ, какимъ онъ казался моей мамѣ.

Она перечитала его снова и сказала, что мой сонъ ошибся только насчетъ жука-навозника. А именно. Тѣ жуки, которые дѣлаютъ изъ навоза шарикъ и закатываютъ въ него яйца, живутъ не у насъ, а на югѣ, въ теплыхъ странахъ. Наши же русскіе навозники питаются навозомъ и навозомъ же выкармливаютъ своихъ личинокъ, но для этого они поступаютъ иначе. Они выкапываютъ въ землѣ нору, кладутъ въ нее яйцо и набиваютъ туда навозъ. Личинка рождается и тутъ же находитъ себѣ готовую пищу.

Но и тѣ, и другіе навозники кладутъ сразу только по одному яйцу, а не по два, чтобы родившіяся личинки не отнимали корма другъ у друга.

Содержаніе.

	СТРАН.
I. Мое превращеніе и первая встрѣча	3
II. Я выѣзжаю по воздуху и попадаю подъ землю.	10
III. Верхомъ на чудовищѣ и кувыркою черезъ канаву	19
IV. Я плаваю по водамъ, и вижу, какъ изъ воднаго животнаго дѣлается воздушное	27
V. Ни крокодилъ, ни бегемотъ: живетъ въ водѣ, а летаетъ по воздуху	40
VI. По водамъ, какъ по суху, и на волосокъ отъ смерти	51
VII. Последнее чудовище, и я летаю по поднебесью.	62
VIII. Парусныя лодки, изящныя яйца и противныя черви.	79
IX. Я направляюсь къ дому: не то бомба, не то черепаха.	91
X. Я дома, и все объясняется	98

